

Олег Глушкин

Призрачный остров

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Олег Глушкин
Призрачный остров

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Глушкин О. Б.

Призрачный остров / О. Б. Глушкин — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

В романе герои погружены в атмосферу девяностых годов. Банкротство градообразующего завода изменяет жизнь. Уволенный инженер Назарук решает устраниваться от чуждого ему мира, жить, обретя любовь на недоступном острове, однако это не удаётся, развернувшиеся события ставят его на грань жизни и смерти. Попытки скрыть от проверяющих казнокрадство приводят к затоплению парохода с инакомыслящими. В дальнейших эпизодах есть уход от реальности, связанный с невозможностью создания рая для двоих на призрачном острове. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1

Теперь уже никто не может сказать точно, когда появился этот остров. В последние годы после банкротства верфи был почти всегда чист горизонт, лишь изредка оживляемый возникающими вдали кораблями, похожими на призрачные водяные тени. Мимо шли эти корабли. Ничто не мешало бегу волн, накатывающихся на золотистый песок пляжей. Ничто не тревожило воображение. И вот – подарок судьбы и природы... Подарок или источник смущения умов. Давно уже никто не верит в чудеса. Всем хочется покоя. Особенно после кризиса, отнявшего будущее у номерного города. Хочется теплого штилевого привычного моря. И вдруг – багряное пятно на рассвете, изумрудное днем и мерцающее таинственными отсветами в ночи. С другой стороны, казалось бы, ничего особенного. Нередко возникают и исчезают острова. Даже целые материки исчезали. Была же Атлантида, никто этого не оспаривает. А вот существует ли остров или это мираж, о том многие спорили, и никто не мог сказать что-либо определенное. Просто весь город словно с ума сошел, только и разговоров о таинственном острове. Местные власти даже собирали несколько специальных совещаний, но так ничего и не решили.

Домыслы и слухи прекратить было невозможно. Брожение и смущение в умах продолжались. Оппозиционная пресса подогревала страсти. Национал-патриоты видели во всем этом происки Вашингтона, утверждали, что остров этот имеет искусственное происхождение, и, возможно, это и не остров вовсе, а замаскированный авианосец. Говорили, что всеми этими событиями заинтересовались на самом верху, в столице, и требовали постоянных и многочисленных отчетов, и ответить им ничего вразумительного местные чиновники не могли.

Дело в том, что никто не смог ступить на берег острова. Доплыть было невозможно. Когда посылали туда лодки и катера, выяснялось, что остров удаляется вместе с линией горизонта, словно он приклеен к ней невидимым скотчем. Правитель, так здесь называли главу города, обратился за помощью к авиаторам. Те подняли в небо свои вертолеты, но безрезультатно, самые опытные пилоты не смогли достичь берега. Остров окутывал туман. И чем ниже опускался вертолет, тем плотнее становился туман. Белые его слои были вязкими, и рисковать техникой никто не решался.

Всякая неизвестность, все, не поддающееся познанию, рождает мифы и легенды. У безработных возникли надежды на то, что вновь откроют верфь, единственное и самое крупное предприятие в городе. Будут строить пассажирские паромы для сообщения с островом. И для сопровождения паромов могут потребоваться подводные лодки, которые издавна, еще в военные времена, строили здесь. Утверждали, что если ветер дует с моря, то приносит необычайные ароматы. И поэтому многие были уверены в том, что на этом недостижимом острове круглый год цветут яблони. Эти цветущие яблони наводили на мысли о райских садах, о тех утерянных землях, где можно познать настоящую любовь. Так думали, конечно, юные девицы, только вступающие в жизнь и не полностью предупрежденные книгами и матерями о капканах, рожденных на земном пути сладкими утопиями. Мужчины, умудренные опытом и уставшие от семейных распрей, усмехались в усы при рассказах девиц о непорочной любви. Романтики же хотели верить и в райские сады, и в сладострастные любовные утехы, которые можно обрести на острове. Один из этих мечтателей уверял, что в полнолуние на рассвете можно услышать призывное пение сирен, доносящиеся с острова, и если в этот момент войти в воду, то можно по морскому дну добрести до острова. Но для этого надо уметь надолго задерживать дыхание. Ему не очень-то поверили, поняли сразу – это из области мифов.

Но более всего утверждались многие во мнении, что недоступен остров, ибо он находится в другом измерении и там-то и есть, так называемый, «тот свет». Там обитают души усопших, а возможно, и сами усопшие во плоти. Таковую мысль допускал даже известный профессор из

местного института, подложивший под все это научную базу об искривлении пространства и изменении сущности материи.

Очень все надеялись на то, что радиационный фон на острове в норме. В городе давно, еще с советских времен, наблюдалась повышенная радиация, ее связывали с аварией на верфи, но вслух об этом говорить не решались даже после прихода гласности. Так как все, кто раньше работал на верфи, дали расписки о неразглашении. В том числе и бывший начальник сдаточного участка Назарук.

В тот вечер, когда Ефим Захарович Назарук, тоже заинтересовавшийся островом, решил дооснастить подводную лодку, море было на редкость штилевым, но где-то в глубинах его рождались всхлипы, словно оно оплакивало всех утонувших в темной пучине. В том числе и тех бедолаг на подлодке, которых произвели в герои. Совсем юные и неопытные, что они могли сделать? Плавание под водой – это не развлекательные прогулки по штилевому морю. В гибели той лодки не было вины конструкторов. Это доказано. Ефим был на практике в том конструкторском бюро, где создавали этот проект. Да и если бы была вина, то только не его, он ведь был просто практикантом. Но все же... Осталось на душе вечным грузом. И хотя говорил руководитель практики, неунывающий орденоносец, что море требует жертв, и без жертв не бывает побед, согласиться с ним было невозможно. Страшно было подумать обо всем. Ведь там, на подлодке были его, Ефима, ровесники-призывники. И он мог там оказаться, если бы не поступил в институт. С детства ведь мечтал стать моряком. Призвали бы в армию, вот и осуществил бы свою детскую мечту. Но понял, что не менее романтично, чем плавать по морям, создавать и спускать на воду новые корабли.

«Корабелкой» называли его институт и учили здесь строить разные корабли, но больший упор делался на подводный флот.

Строительство подводных лодок велось полным ходом в годы учебы Ефима. Ведь тогда атомные подводные лодки с ракетами на борту несли боевое дежурство на всех океанах, затонувшие, лежали они на дне у чужих берегов, готовые к ответному удару, и в случае приказа могли эти берега разнести в мгновение ока. На многих засекреченных верфях строили гигантские субмарины. Почти все однокурсники взяли темой проекта атомную подводную лодку. Ефим назвал свой проект – атомная подводная лодка – истребитель подводных лодок. Проект защитил на отлично, но дали понять, что тема не реальна, кто же будет истреблять подводные лодки другими лодками. И вот пришло время, никто, действительно, не стал истреблять, сами порезали на металллом. Договор был даже такой секретный о том, чтобы никогда атомные подводные лодки не строить, ибо они являются оружием массового уничтожения. Часть лодок, вроде бы, купила Индия. Сейчас, правда, говорят, на севере возобновили строительство. Но не пришлось Ефиму на своем заводе в последние десять лет строить новые, большие подводные лодки. Новый проект не начинали, достраивали и сдавали те, что были заложены лет пять назад. Да еще ремонтировали. И диплом ему, думал он, никогда не пригодится.

Но, как говорится: никогда не говори «никогда». Большие лодки строить прекратили, а вот серию лодок-малюток изготовили для разведки и исследования морских глубин. Но вот продать их уже никому не смогли. Начался кризис. И вот теперьгодились детали лодки-малютки, так называемого подводного разведчика, эти детали корпуса – обечайки и не только обечайки, но и все некогда секретное насыщение достались Ефиму, когда верфь обанкротили и зарплату выдали натурой. Хорошо было, конечно, получать натурой тем, кто работал на трикотажных фабриках, мясокомбинатах, свинофермах или на сырозаводах. Но, увы, это было в других городах. А здесь на весь город единственная и все поглотившая верфь и секретные лаборатории при ней. Что с них возьмешь? Возмущались все, но что поделать, не отказываться же, и всякие детали разбирали по домам. Так что квартиры многих бывших работников верфи украшали корабельные часы, штурвалы, перископы, кровати с бортиками, которые прикреп-

лялись на случай качки, а в домашних условиях тоже гарантировали спокойный сон, ибо не давали свалиться ни при каких. обстоятельствах.

В советское время, когда Ефим только начинал работать, воровали по мелочам, несли с завода краску, доски, гвозди, с одной стороны, оправдано было тем, что в магазинах ничего нельзя было купить, а с другой, шли на риск – за банку олифы можно было и срок схлопотать.

А тут почти готовая подводная лодка. Обводы не очень ему нравились, несколько обечаек не сходились. Было не до плавности обводов, он вспоминал с усмешкой, как добивался этой плавности на заводском плазе при помощи самодельных лекал – гибких реек и грузиков, которые называли крысами. Если присмотреться, они и вправду напоминали крыс, металлических крыс с обрубленными хвостами. Поначалу его определили в докмейстеры, работа была простая – поднимать корабли из воды в док для ремонта. Доки были рассчитаны для больших подлодок и часто простаивали, и он добился перевода в сдаточный участок. Ночами пропадал в конструкторском бюро, изобретал, чертил – оказалось теперь никому это не нужно... А тогда – гордо ходил по городу, молодой специалист, назначенный начальником сдаточного участка, представленный к награждению орденом Ленина. Хорошо, что в последний момент кто-то бдительный наверху вычеркнул из списков. А то ведь носил бы на лацкане пиджака лик лысого божка, ввергнувшего страну в братоубийственный хаос, да в такой, что до сих пор смертельная отрыжка...

Как и большинство населения приморского города, Ефим не работал, сократили его, когда прекратились военные заказы. Потом верфь обанкротили. Можно было вытянуть верфь из кризиса, если бы взяли заказ на строительство прогулочных яхт от фирмы из Гамбурга, но здесь восстали спецотделы, нельзя было допускать на верфь иноземных инженеров. Всплыла опять придуманная опасность о германизации города и покушение на его территорию со стороны несуществующих хазар. Опасность германизации подкрепили краеведы, откопавшие в архивах документы по истории завода, из которых было очевидно, что завод построил в позапрошлом веке концерн Шварца. Была угроза, что немцы предъявят права на выпущенные акции. Пошли другим путем. Сначала приватизировали, а потом обанкротили. Новоявленные хозяева оказались хуже мифических немцев. На верфи поначалу устроили развлекательный комплекс, а теперь был стадион с двумя футбольными полями. Стадион оборудовали на славу. Хотели, чтобы чемпионат европейских стран здесь проходил. Да провалили затею футбольные начальники из столицы. Ни в коем случае, заявили, сюда нельзя допускать иностранных туристов, что они потом напишут о нашей стране! К тому же обнаружили, что здесь, где стояли корпуса судовой верфи, повышенный радиационный фон. Вот и позарастал стадион травой, а в крытых трибунах бомжатник образовался. Ловкие бизнесмены все заводское оборудование растащили. Даже стапеля порезали на металлолом. При последней дележке всем кое-что досталось. Ефиму удалось в свое время не только недостроенную лодку получить, но и списанный полуавтоматический сварочный аппарат. Соседи долго смеялись над ним, когда он сгружал во дворе подводную лодку и это устройство. И вот теперь пригодились.

Единственная надежда – достичь острова. Живи сейчас Лиза – тоже бы расхохоталась – вот ведь нашелся собиратель металлолома, разве может один человек достроить подводную лодку? Выполнить сложное насыщение отсеков – ведь надо сначала сделать проект. Лиза работала в конструкторском бюро, и ее заботой было вычерчивать разные проекции деталей, даже тех, которые слесари его бригады мастерили без каких-либо чертежей. Узнай Лиза, для чего он затеял строительство, тоже, пожалуй, высмеяла бы его, она считала себя атеисткой. Какой тот свет на острове может быть для атеиста. Считала, что он не верит в Бога. А сама ведь тоже к вере пришла, хотя признаться в этом не хотела. Говорила: это все – утешение для слабых. Но все же, ей бы идея с островом понравилась.

Значит, не забыл. Разве можно забыть. Глядит на него с цветной фотографии – молодая, ямочки на щеках, улыбается своей загадочной улыбкой. И есть еще медальон, в нем завиток ее

волос, от которого, кажется, даже исходит тепло. Вот и все, что осталось. Лучше бы она жила, а он умер. Или нет, лучше как в русских народных сказках: жили они долго и счастливо и умерли в один день. Одиночество – это ад на земле. Столько лет пробыть одному! И жизнь без просветов. Дали свободу, словно рыбу выбросили из глубины, а дышать нечем. Да и что ему сейчас эта свобода или несвобода? Это важно для тех, кто мнит, что может своим словоблудием переделать общество, создать рай на земле. Правда, кроме ада, ничего не получается. А для отдельного человека всегда уготован и свой рай, и свой ад и свой конец света. Ведь сама жизнь всегда не что иное, как приближение к смерти. Так если бы дано было хотя бы его скрасить. Но ты не хозяин своей судьбы. Вот он, Ефим, и получил свое... .

За какие тяжкие грехи дано одиночество? Ведь старался жить почти по евангельским заповедям – не делать ближнему того, что не пожелал бы себе. А по-евангельски ли это? Всегда ли нужно непротивление злу. Видел, вокруг зло творят – молчал, а может в этом и был самый великий грех. Часто стал мысленно обращаться к Богу. Одно время даже сошелся близко с отцом Димитрием. Хотел приобщиться к церкви. Был Димитрий молодой еще, горячий. От слов своих сам возбуждался, тряс короткой черной бородкой, разоблачал всех и вся. Было много желчи в его словах, но и немало правды. Он считал, что не должен церковник во всем потакать правителю, не имеет право разглашать тайну исповеди, и уж никак не должен гнаться за мирскими благами. И ни в коем случае не освящать дворцы правящих чиновников и олигархов. Писал свои петиции самому патриарху. Упрекал Ефима, что тот замкнулся в своей гордыни и ничем не возмущается.

Ефим стал замечать, что с годами все больше сторонится людей, не хочет никому прощать ошибок. Одиночество копит внутри жизненную отраву. Желчь разливается, сгущается кровь. Молчание отучает от слов. Подошло такое время, – в пору, как Лев Толстой, уйти, куда глаза глядят. Вроде бы все тихо, все складно. Но внутри предчувствие, озноб даже какой-то внутренний. Затишье ведь всегда перед бурей. На море так бывает, – кажется, полный штиль, а копится, копится энергия, – и вот – прибойная волна, да такая, что берег может разрушить. Когда нет просвета, нет выхода – человек взрывается. Так что остров подоспел вовремя. И надо спешить, пока не опередили. Олигархи уже свои планы строят. Почувствовали, что можно приумножить капиталы. И один из них, самый расторопный, бывший секретарь горкома Базилевич зарегистрировал открытое общество «Остров благоденствия» и довольно успешно начал продавать островные земли.

Конечно, все стремятся найти свой рай, найти убежище от всего наносного. Возможно, на острове преддверие рая, и даже сам рай. Как не поверить в иной мир, если есть уже доказательства – существует антиматерия, существуют антимиры. И не могут души исчезать бесследно. Зачем же дан человеку такой мощный мозг, накопитель информации. Для чего? Кому это все предназначено, если не бессмертной душе. Лиза не верила в загробную жизнь, он просто утешал ее в последние дни, сам тогда не верил, а ради нее даже библию стал читать. Понимал, как ей тяжело. Хотел вселить надежду. Понимал, что верующему много легче покинуть этот мир. Главу за главой успел прочесть вслух Лизе и Ветхий завет, и Новый завет. Многое самому в душу запало. Теперь прозрение пришло. Понял, без веры человек жить не может. Вот и недаром дан остров – послано свыше спасение. Пусть смеются над ним – выжил старый из ума. Они не думают о смерти. Им молодым можно и посмеяться...

Но кто бы в досталь посмеялся над ним, так это друг студенческих лет Дален, вот, сказал бы, еще одно подтверждение того, что гений должен быть сумасшедшим. Конечно, только сумасшедший мог ночами сидеть в лаборатории. Это вместо танцев в Мраморном дворце или в интер-клубе. Дален считал его гением и сумасшедшим еще в те студенческие годы. Он был не оригинален в своих высказываниях. Издавна на Руси изобретателей считали юродивыми и горемыками – нищие, гениальные, но беспутные головы. Сам Дален не смог одолеть пре-

мудростей строймеха, и всякого, кто решал сходу сложные задачи по строительной механике корабля, считал гением.

Дален, хотя и не мог решать сложных задач, сегодня – птица высокого полета. Можно было, когда сокращали, когда завод банкротили обратиться к нему за поддержкой, но это было не в правилах Ефима. Захотел бы Дален, сам вспомнил, но высокое положение, видно, вскружило голову. Да и не знает Дален ничего о жизни в моногородах и о своих сокурсниках. Многие такие чудеса сотворяли, куда там ему, Ефиму. Хотя и он был не промах. Вот сделал в свое время автомобиль. Мотор установил от старого японского мотоцикла, коробку передач сам смастерил, сделал автограф, так называл он управление своей машиной при помощи компьютера: верх у машины мог раздвигаться, а колеса и передние и задние были ходовые, но главная «фишка», как любят сейчас говорить, что машине не нужен был бензин, двигатель работал на рапсовом масле. Все тогда удивлялись, не верили, что он автомобиль сделал своими руками. Не верили, что может обходиться без бензина. А чему удивляться, обычная машина – это элементарно. Вот удивились бы они, узнав, что его сокурсник Дима Вересов, окончивший институт, как и он, Ефим, с красным дипломом, в Перми смастерил самодельную ракету. А топливо придумал такое, что его и его ракету так засекретили, ни адреса, ни телефона, и никто не знает, где теперь Дима Вересов. Или ему повезло, или не повезло – не известно. Но такого человека в любом случае не оставили без работы. На воле или под надзором, как некогда лучшие умы, заключенные в шарашках, он свое возьмет. Пермь, конечно, не моногород, старинное название городу возвратили и объявились там мастера-чудесники. Возможно, Вересов и артель собрал... Ведь, если вникнуть в законы природы не с марксистских позиций, а с непознанных еще, тех что высшие силы подарили, то ясно сразу – вы чего нефть качаете и землю опустошаете, вы что атом разрываете, дано ведь солнце, – от него и берите тепло – сколько влезет. Всегда считал Дима – солнечные батареи главный и единственный выход, все крыши домов превратить в батареи – и никакой от этого угрозы. Наверное, и ракету свою от солнца запитал... Будущее покажет. Конечно, атомные станции закроют. Можно будет создать на луне станцию для концентрации солнечной энергии или же вывести на орбиту специальную станцию для трансляции солнечной энергии, придумают что-нибудь...

На весь мир славятся российские изобретатели. Только попробуй у нас патент получить на свое изобретение, сто крючков и преград на пути выставят, лишь бы отбить у тебя охоту свидетельство заиметь. А потом, через десятки лет волосы на себе рвут – как же так случилось, что за границей изобрели. Здесь же, в городе, секретном и номерном, и вообще патент получить невозможно. Все тайной окружено. Все засекречено. Специальный, так называемый второй отдел на верфи был самый многочисленный, там за массивной металлической дверью и сидели эти секретчики, полковники отставные. Командовал всеми Пикальцев, присланный из органов. Из непотопляемых он сейчас у правителя – правая рука. Низенький человечек с большими мясистыми ушами, казался очень обходительным и вежливым, мягко стелил, но жестко спать было. С первых лет работы Ефима на верфи завел на него дело. Когда верфь закрывали, полистал эту пухлую папку Ефим. Дал посмотреть приятель – сторож из хозяйственного отдела, которому поручено было бумаги жечь. Чего там только не написано было в этой папке, многое Ефим и сам едва мог вспомнить, но все было учтено четко, по датам расписано. И еще был у них отдел почтовый, письма проверяли. И до чего додумались – голубей приказали отлавливать и уничтожать, мол, гадят они на прохожих. А причина была в другом – голубиной почты испугались. Ее ведь никак не проверишь. Вдруг станут рабочие или инженеры о работе верфи сообщать иностранным агентам, писать о радиации или пасквили на советскую жизнь сочинять. И все эти пасквили, и все эти секреты в трубочку и на голубиные лапки...

Ефим тогда только что приехал в этот город, направили по распределению, квартиру подыскивал, Лиза должна была вот-вот диплом защитить и прибыть сюда. Ее родители настаивали на переезде в Троицк, солнечный городок на Урале, родной Лизин Троицк. Квартиру там

приготовили для молодоженов. Он же родителей лишился рано. Отца не знал. Тот на войне был тяжело ранен и умер, не увидев своего младшего сына. Мать, измученная голодом и совсем не женской работой в поле, когда впрягались женщины в плуг, да все на себе вытягивали, тоже рано покинула этот мир. Растила одна двух сыновей. Ребенку все в забаву – когда бороной мельчили пласты, его сажали на борону, радовался – можно прокатиться. А сейчас и вспомнить страшно. Женщины вместо лошадей, вместо быков. Могли ли они жить долго? Оставался в родном городке на Смоленщине дядя, который и жил в родительской квартире. Тот тоже звал к себе. Но какая там работа в этих сухопутных городках для кораблестроителя. Да даже если бы и была работа...

Но хотелось ни от кого зависеть, а самому начать и строить свою жизнь. Квартиру, как молодому специалисту, обещали вскоре дать, а пока комнату снимал у одного заядлого голубятника Павки. Был он лихой парень, считался заводской шпаной, никого не боялся, но к Ефиму особой симпатией проникся, сказал, смотри, – если кто приставать будет, – сразу мне говори, я любого по стенке размажу. Голубятня у него была всем на зависть, над сараем нечто вроде купола, издали можно было за обсерваторию принять, тем более что окрашена она была ярко-голубой краской. Был этот голубятник со всеми в обращении жесткий и грубый, а когда брал в руки своих сизарей, просто преображался, даже сам гулить начинал. И улыбался как ребенок. Никто и слезинки у него не мог никогда вызвать, а в ту ночь, когда подогнали кран и его голубятню разрушили, а голубей сетями накрыли и увезли, рыдал он долго, и успокоить его было невозможно. Совсем недавно случайно встретились в магазине. Ефим его сразу узнал, хотя постарел Павка, уже не Павка, а Павел Игнатьевич, сгорбил, лицо морщинистое, впадины под глазами, но в глазах прежний блеск. Тоже нигде не работает. И что порадовало – снова голубей держит. Сказал, я, когда голубятни разоряли, двоих спас, держал тайно, почтари они, от них у меня уже большое потомство. Рассказал, что есть даже теперь общество голубятников и прятаться ни от кого не надо. Много голубятников в деревнях. И все они с помощью голубиной почты друг с другом переписываются. И почта эта надежнее всего, даже надежней электронной, компьютерной. Никакой хакер, никакой стукач, никто свой нос в письмо не сунет.

Это и удивило и немного даже насмешило. Голубиная почта. Все это было раньше в очень далекие времена, не было тогда мобильных, не было интернета. Все вроде в прошлом, а прошлое это никакой химией не изведешь, ведь осталось еще, есть даже такой специальный отдел, перлюстрация писем, смешно – из прошлого он, смешно и грустно; прошлое вроде метастаз, тронешь – еще больше разрастается. Вот и весь город, как опухоль, и убрать нельзя, и содержать накладно.

Производства почти никакого, а выстроили возле центральной площади два супермаркета, возле них еще гастроном прилепился – продукты и водка круглосуточно – а позади палатки торговые, да еще и просто сидят старушки на ящиках – и тоже торгуют. Раньше всего одним магазином обходились, и работал он до восьми. Бежишь с верфи к нему, чтобы успеть батон да молоко купить. А сейчас витрины от товаров ломятся. Бери – не хочу. А откуда деньги взять. Сказал как-то его сокурсник Тим: «Неужели не поймешь! Платишь врачу, тот платит учителю, учитель платит слесарю...» Ответил ему – понятно, а слесарь платит тебе за самогон. Был такой грех у Тима, подторговал своим зельем. Да и кто теперь не торговал... Вот вам и секретный город...

Известное дело, как назовешь город, так там и жить будешь. А здесь у города еще и имени не придумали... Называли раньше номерной, а сейчас говорят – центральный или районный. Уж лучше без имени, чем называться, как настаивали обкомовцы, именем большевистского палача. Продержись кровавый горец подольше – было бы имя. Берьевском хотели назвать, да повезло – именно в том году тиран испустил дух, а его сподручного сделали английским шпионом, пустили быстро Берю в расход его же подельники. Давно это было. В прошлом веке...

Тогда Ефим в четвертом классе учился. Десять лет было, а запомнил тот день, когда уса-тый вождь умер. Плакали, даже рыдали навзрыд учительницы. А дети в лапту играли. Радова-лись удачным броскам. Он мячик поймал и победный клич издал, и засмеялся. Директорша за ухо больно крутанула: совести у тебя нет, нашел время ржать, как жеребец... Мать в школу вызывали, пришла, плакала: ты хочешь меня в могилу свести, я все силы в тебя и в братца тво-его вложила. Что мне ждать от вас? Все хиханьки да хаханьки. Одно слово – безотцовщина...

Был тогда Ефим тонкий и звонкий, и смеялся громко до неприличия... Теперь не до смеха... За время своего вынужденного безделья Ефим располнел, стал менее поворотлив и обзавелся лысинкой столь идеально круглой, словно покойница жена-конструктор вычертила ее циркулем на макушке, как напоминание о себе, а возможно, и о рано облысевшем старшем брате.. Брат Ефима, поначалу переехавший к нему, беспокойный и самолюбивый авантюрист, давно покинул город и уехал за океан. Откопал в архивах, что род их, Назаруков, ведет свое начало от хазар, что в отцовской родне были не только хазары, но и немецкие предпринима-тели, основавшие в Штатах концерн по производству каучука. Выдумщик большой был этот брат. В школе еще большим вралем слыл. Придумает что-нибудь, несколько раз расскажет и сам в свою выдумку верит. Эти его выдумки потом Ефиму боком вышли, хазарское происхож-дение ему приписали. Утверждали, что председатель общества хазарской культуры давал ему задания по распространению учения кабалы среди рабочих. Об обществе хазарской культуры он и слыхом не слыхал. В жизни ни одного хазарина не видел. Знал, что был такой каганат хазарский, иудейскую веру там исповедовали, что разбил его князь Святослав. Но ведь когда это было, больше тысячи лет назад. Показали ему рецепты, по которым лекарства для Лизы через Красный крест доставал, мол, вот вам их хазары из-за океана прислали. В тайных про-токолах кагэбэшных записали в иудейскую веру. А на секретной верфи с таким происхожде-нием далеко не пойдешь. Сглаживалось обстоятельство только тем, что работник Ефим был почти незаменимый. А брат благополучно уехал, в иудеи записался, чтобы израильскую визу заполучить. Может быть, был прав – жить в городе, где было единственное предприятие, да еще и засекреченное, не имело смысла. К тому же, хотя и были эти сведения секретные, почти все знали, что здесь производят и что здесь повышена радиация. Многие специалисты, осо-бенно атомщики и программисты, тогда покинули родимые места. И не только в Штатах и в Израиле осели, но и по всей Европе разбрелись. А бывший начальник заводской сварочной лаборатории даже в Австралии очутился. Пишет оттуда, что более сказочной страны не видел и не предполагал, что такая райская жизнь может быть на Земле...

Зовет к себе. Обещает сразу престижную работу. Пишет, что только там, в Австралии, могут оценить изобретения, могут оценить ум и сметку русского человека, что незнание языка пусть не смущает Ефима, там полно русских и выходят газеты на русском языке, а телевидение можешь смотреть и свое, и австралийское, на котором тоже есть программы на русском языке. ... А за твою машину, которой бензин не нужен, будут на руках носить, а не преследовать и избивать для устрашения, и если тебе голова твоя дорога, писал он, то мой вызов не отвергай...

Ефим же тронуться в путь не решился. Жил по принципу – где родился, там пригодился. Да и куда от Лизиной могилы, в такую даль... Не могли его ни бывший начальник лаборато-рии, ни брат ничем соблазнить. В последнем письме брат уже не звал, понял – бесполезно. Писал, живи, как хочешь, ты человек непрактичный – здесь таких тоже не очень привечают, фантазировать можно в юные годы, а в твои оставаться человеком снов, просто смешно. Если уроки жизни тебе впрок не пошли, я уже сделать для тебя ничего не могу. На этом письме переписка оборвалась. Возможно, брат был во многом прав. Но после пятидесяти жизнь не изменишь, и ничто уже не страшит. Запугивали, избили один раз, ну с кем не бывает. Было дано задание – избавиться от надоедливого изобретателя. Выдержал. Кость крепкая, не было в роду Назарука хляков. Надо ко всему быть готовым и себя уметь защитить. Уметь собраться в нужный момент. Норовили бить по почкам, ногами. В сыром заплыванном подвале сжался в

клубок, всю свою волю собрал. Потом в кабинете начальника милиции разыграли целый спектакль. Мол, извините Ефим Захарович, приняли вас за наркокурьера, очень похожи на того типа, да и наркотики у вас в кармане куртки нашли. Сказал твердо: «Это вы мне сами подложили!» Скажи спасибо, обиделся начальник, что отпускаем. Скажи спасибо, что в баскет в одной команде с тобой мячи швыряли. И в дверях уже, доверительно полупшепотом: «Свои дурацкие изобретения выкинь из головы». Вспомнить его не мог. Вроде был такой центральной Шкет, но худущий, как скелет, возможно, это он, но уж больно расплылся... Глаз из-за жирных щек не видно. Служба в органах не только характер, но и внешность меняет.

Тогда он, Ефим, еще на верфи работал, там простор был для изобретателей. Понимал, что заместитель нефти пришелся властям не по нутру. Но не отступился, дело, правда, до конца не довел, верфи не стало, а без заводской лаборатории, как без рук. На заводе все свои были. Редактор заводской газеты «Верфь» Веня Зонин большую статью в защиту изобретений опубликовал. Все Зонину с рук сходило. Был он в каком-то родстве с самим директором. Статья мало помогла, но Зонину был Ефим очень благодарен. Хотя и очень разный Зонин был человек. И вроде смелый, а перед начальством травой стелился. Вот когда верфь обанкротили, из всех уволенных только Зонин ничего не потерял, а даже вверх скакнул. Сейчас в правительстве информацией крутит. В принципе, Ефиму тоже по сравнению с другими инженерами, потерявшими работу, еще везло. Удалось свою трехкомнатную квартиру, уже после смерти Лизы, поменять на небольшой домик на берегу моря. В той старой квартире, где каждая вещь напоминала о Лизе, он просто жить уже не мог, сердце бы не выдержало. Смеялись поначалу над ним, поменял квартиру с удобствами, лишился ванны, печь надо дровами топить, а теперь поняли, что выиграл он во многом. В дом и газ провел, и котелок поставил, всё мог своими руками сделать. А земля здесь, у моря, стала бешеные деньги стоить. Пошли разговоры, что здесь игорную зону будут делать, потом и того пуше – бухту, мол, сделают для правительственных яхт. Слухи о радиации никого уже не пугали. Буквально на расстоянии видимости от него вырос здесь квартал коттеджей, где сам правитель себе дворец отгрохал. И новые русские миллионеры не желали от него отставать. Друг перед другом выпячивались. Архитекторов иностранных приглашали. И прорыли здесь канал, устроили себе Венецию.

Вот и Ефим стал «миллионером», домик его, а вернее земля под ним, золотой оказалась. Предлагали за этот домик аж десять миллионов. Но продавать дом он не собирался. Тогда стали его по судам таскать – земля, мол, не зарегистрирована и обмеры не утверждены. Прямые угрозы пошли: смотри, старик, если тебе жизнь дорога, уйди с дороги, но и здесь он выдержал, отбил, нервов, правда, это стоило и здоровья, но такая уж жизнь стала – за себя надо уметь постоять. Отдавать или продавать свой дом он никому не собирался.

Тем более пригодились рельсы, что шли прямо от домика к морю, к небольшому, но уютному крытому эллингу, в котором бывший хозяин держал баркас, большой любитель был рыбной ловли. Баркаса он не оставил, но рельсы не разобрал и эллинг никому не продал. Хотел купить этот бывший хозяин яхту, обещал взять Ефима в кругосветное путешествие, да так и не объявился. Говорят, переехал на Дальний восток и там ушел в море на краболовах. Каждый человек живет, как может. Ищет, где рыба, а рыба ищет, где глубже. Гоняться за ней и за счастьем бесполезно. И бесполезно искать перемены участи и переучиваться тоже ни к чему. И то, что ты умеешь делать, то всегда с тобой – никто твоего умения не отберет. И ведь действительно – пришла пора – и все его знания и все его умения пригодились. Он был уверен, что только подводная лодка разрешит все загадки внезапно возникшего острова. Но главное даже не в этом. С годами росла уверенность в том, что правы церковники, существует загробный мир, и там, на острове, он увидит Лизу и повинится перед ней. Он себя уж совсем истерзал виноватостью своей. Иной раз и целую ночь уснуть не мог. Почему он тогда согласился? Почему не послушал врачей? Но и она ведь настаивала. Предупреждали все. Лучше взять из детдома. Слишком узкий таз. Конечно, он хотел сына, хотел иметь преемника, зачем жить на

земле, если не можешь передать все, что накопил в голове своей наследнику. Тогда о другом своем сыне, Михаиле, он ничего не знал. И вот ни ее, ни ребенка от нее. Девочка родилась мертвой. Вот теперь сын совсем от другой женщины обнаружился, но ничего не соединяет с ним. Плод безумной страстной любви, страстной и короткой, как летние ливни в засушливом краю.

Было это в самый жаркий месяц года, в середине июля – сдача последних атомных подводных лодок. Кудрявая контролерша, бисером рассыпающая смех. Она имела привычку время от времени поводить язычком по губам и трогать пальчиком зубы, словно пересчитывала их. У нее была небольшая щербинка. И это казалось ему особым шармом. Во всяком случае, запомнилось. Узкая койка в командирской каюте. Неделя в штилевом море. И в этой неделе сумасшедшая ночь любви, ночь зачатия. Сдала сына в приют и исчезла, растворилась в зимней ночи, говорят, видели ее в Воркуте. Винить ее в этом он не имеет никакого права. Без квартиры, оклад нищенский. Мог бы, конечно, помочь, вытянул бы из нищеты, но она и адреса не оставила. Вот и перед ней у него тоже немалый грех. Нахлынула страсть, как внезапное сумасшествие. И быстро все забылось. Продолжение рода. Родня. Зачастую и не родной человек, а более близок тебе, чем вся родня. Вот ведь становится женщина женой – и говорят самая близкая родня, и даже если не жена – а связаны любовью, это крепче, чем кровные связи. А какое было бы счастье, если бы осталась жива дочка. Дочери всегда привязаны к отцу. У сыновей часто возникает неприязнь, эдипов комплекс, так мифотворцы объясняют. Так что родня родне рознь. Тому много примеров видел Ефим, но не было одинаковых судеб, и каждому приходилось искать ответы на свои вопросы.

Ответы четкие есть только в школьных задачниках по математике, по элементарной математике, но уже высшая математика предлагает варианты, впрочем, как и жизнь – все состоит из выбора, а правильный выбор почти не возможен. Как там, у Пушкина: «И ветру, и орлу, и сердцу девы нет закона...» Поэту тоже не было дела до законов. Да и сам Ефим не очень строго соблюдал законы. Их сейчас столько наприносили, что если их выполнять, то и жить не стоит. Самый дурацкий, на его взгляд, был местный закон, названный громко «Об эффективности и стабилизации», а на деле закон этот был о запрете на работу пенсионерам. Испугались безработицы – и вот, пожалуйста, исполнилось шестьдесят – уступи место другому, а человек в шестьдесят, может быть, только и начинает по-настоящему быть полезен. Как говорится, соскочил с горячей лошади, когда все страсти улеглись, только в работе и остался главный интерес. Хорошо хоть не запретили на своем участке трудиться: выращивай овощи в теплице, сажай цветы. Для себя можешь и плотничать, и столярничать, роботов конструировать и любые мелкие подделки изготавливать. Можешь самые современные компьютеры использовать.

Но подводная лодка, к тому же, в свое время засекреченная – за это по голове не поглядят... И правитель не спасет, да и не пойдет Ефим к нему на поклон. Люди высокого ранга не любят, когда им напоминают о прошлом. Кто он был этот правитель? Токарь в сдаточной команде, да и токарь никудышный, зато строптивый и заносчивый, элементарные детали запарывал, но язык был подвешен – будь здоров, пустомеля – такие в сдаточной команде долго не держались. К тому же на руку не чист. Помнится, белила приспособился через проходную проносить. Заполнял белилами велосипедные шины и обматывал себя этими шинами, сверху куртка широкая – ни разу не попался. С белилами не попался, а на спирте погорел. У охранников на спирт особый нюх был. Грозило увольнение по статье, но принес он справку от врачей, заверенную круглой печатью, о том, что страдает сомнамбулизмом. Смеялись все – вот ловкач, при такой болезни все оправдано, это по-научному сомнамбулизм, а так – лунатизм, то есть, если ты лунатик, можешь заснуть и во сне ходить и не соображать, что делаешь. Вот такой хитрован был Ваня. А послушать его речи на комсомольском собрании, так хоть сразу беги каяться. Да и женщинам он нравился, парень статный, волосы льняные, глаза такие невинные, широко открытые, как не поверить такому...

И когда пришла гласность – понадобились именно такие хитрованы и пустомели. Теперь же к нему и на прием не попадешь, за год, заранее надо записываться. Сам же его и выдвинул, хотел избавиться – вот и порекомендовал в горком комсомола. Вырастил борца с привилегиями. Сам виноват. А как выступал против банкротства завода, как обличал расхитителей! Обращался к рабочим не иначе, как братья мои. Не позволим, кричал, на нашем хребте наживаться! Ваучеры копите, не продавайте! Стеной встанем, сметем казнокрадов с дороги! Голос у него был звонкий, молодой. Народ наш рабочий доверчивый. Сегодня этот обличитель живет во дворце на берегу, возле кованых ворот постоянно дежурит милиционер. И еще завел этот бывший токарь спецслужбу осведомителей. Пикальцев из заводского спецотдела стал у него важным столоначальником. Вот и вся демократия. Шныряют вдоль побережья бездельники, вслушиваются в разговоры, в карманах диктофоны, в руках миниатюрные фотоаппараты. Специально для них яму перед калиткой вырыл, да ветками прикрыл, один любопытный уже туда провалился, пришлось бедолагу чаем отпаивать с коньяком, да пригрозить, что в следующий раз останется он в яме навсегда. Наверное, о том своим друзьям поведал, другим неповадно стало в дом лезть, да разве спрячешься от множества глаз. Подглядывание, слежка – любимые занятия в империи. Нет уже империи, а подглядывание осталось. Оно в крови. Отсюда и лейкемия. Говорят от радиации, а на самом деле кровь гниет от безделья и творимых гнусностей. А кто все эти стукачи, доносчики, перлюстраторы, соглядатаи – явно патентованные бездельники и бывшие партийные, и профсоюзные прихлебатели. И в особом почете те, кто еще в советское время ловко воровали, тогда им приходилось таиться, белила в шинах велосипедных прятать, специальные пояса и потайные карманы делать. А сейчас все по закону, гонят фуры через границу запломбированные, газ и нефть втихую откачивают – вот и пригодилась воровская смекалка...

Глава 2

Работать Ефим Назарук старался скрытно, не ровен час, узнают, что готовишь к плаванию подлодку – оштрафуют и могут даже из города выслать, но все равно, его действия и треск сварочного аппарата невозможно было утаить от соседа – отставного генерала Гароева. В свое время имя этого генерала наводило страх на самых отчаянных горцев, и в городе многие юноши хотели походить на него. Во всяком случае, лет десять назад, когда зима была особенно суровой, пошла мода на бурки. Именно подобные той, что украшала и берегла от морозов генеральские плечи. И не только бурка могла украсить генерала. Как-то прошлым летом, когда Ефим распил бутылку коньяка с боевым генералом, тот достал из шкафа мундир, увешанный орденами, и сказал Ефиму – а ну-ка, примерь. Ефим с трудом удержал генеральский мундир двумя руками, а когда надел на плечи, то сразу уменьшился в росте, непомерная тяжесть мундира согнула его. Да, нелегко быть генералом, – помнится, сказал или даже пропел он. О войне в трезвом состоянии генерал не хотел говорить. Но всякий раз после возлияний приходилось выслушивать рассказы генерала о далекой от разумного понимания нелегкой военной жизни. Пересыпана речь генерала была словами, таящими в себе смерть: зачистка, зеленка, град, кордон, духи, заложники...

Генерал был почти ровесник Ефима, недавно отметил шестидесятилетие, но выглядел значительно моложе. Конечно, сваркой и газом не дышал, все время на свежем воздухе. Режим соблюдал в любом самом яростном бою – подошел час обеда, извольте подавать. Это, объяснял, старая традиция, еще великий Кутузов ее строго соблюдал. На Бородино, в самый разгар битвы повелел скатерть на траве расстелить. Во время принятая пища – прямой путь к победе! И еще любил Гароев утверждать, что отставных генералов не бывает, недаром разрешено носить форму вечно. Вот только от того, что не снимал фуражки, к старости облысел. Лысина у них обозначилась почти одновременно – лет пять тому назад, генерал после появления лысины стал регулярно брить голову в парикмахерской, и голова, теперь гладкая, словно яйцо, делала генерала похожим на легендарного разбойника Котовского. Раньше этот Котовский считался героем, а потом историки заклевали, мол, мирных селян грабил. Ефим пытался завести разговор о Махно, Котовском, Щорсе – все они были не ангелы. Нечего им подражать. Генерал же ни о каком Котовском и слушать не хотел, он считал, что бритая голова возбуждает женщин своей схожестью с другой не менее важной нижней головой. Генерал любил хвастать своими победами не только в горах Кавказа, но и на поприще любви. Уверял, что это даже обязанность победителей улучшать породу. Но здесь надо знать меру, объяснял он, и ни в коем случае нельзя настраивать против себя мирное население. Все может происходить только по обоюдному согласию. Мы ведь ни какие-нибудь дикие орды монголов. Насилие должно быть исключено. Хвастал, что не пощадил даже друга, когда тот изнасиловал чеченку в присутствии ее маленького сына. Крикнул ему, что же ты плодишь кровников! Он подрастет, и будет резать наших солдат. Друг отмахнулся и засмеялся, подтягивая штаны. И пустил его в расход генерал самолично прямо на месте. Сам же генерал полюбил красавицу осетинку, моложе его лет на двадцать, и она ему ответила взаимной любовью...

Рассказывал об этом шепотом, потому что его жена обладала отличным слухом, и даже находясь в другой комнате, различала смысл сказанного. Выскакивала как демон из своего укрытия и метала в генерала все попадающиеся под руку предметы домашнего обихода. Генерал ловко уворачивался, подпрыгивал, словно мячик, и умолял жену: «Катюша! Заканчивай артподготовку!» При этом вытаскивал белый носовой платок, махал им над головой, что означало полную и безоговорочную капитуляцию. Вообще, жена его ни в чем не давала спуску своему генералу, дама боевая была под стать ему...

Переспорить ее было трудно. Генерал иногда называл ее, правда, без всякой злобы, моя хохлушка. Сам же генерал считал себя караимом. Ефим где-то читал, что караимы это почти тоже, что евреи. И когда имел неосторожность сказать об этом генералу, тот почему-то так разволновался, что смахнул со стола чашку с чаем, за что получил нагоняй от Катюши. Это была ее любимая чашка, подаренная на их свадьбу еще отцом Гароева Иосифом Эмильевичем. Свадьбу они справляли в Тракае, где издавна живут караимы. Что ты распыхтелся, как чайник, накинулась на него Катюша, какое это все имеет значение! Имеет, не успокаивался генерал, караимы есть караимы! Это во всем мире самые храбрые воины. Их призвал к себе на службу великий князь литовский Витовт. Меткие стрелки, лихие рубаки, великолепные всадники! Они были самыми надежными стражниками! И в Запорожской сечи у казаков они верховодили. Был гетман Эльяш Караимович! А у нас – герой Порт-Артура Яков Кефели! У меня в разведке были только караимы! Я лично знал легендарного Иосифа Григулевича – смелее его вряд ли сыщите! А маршал Родион Яковлевич Малиновский – мой главный учитель! Что ж, Ефим, по-твоему, они евреи! Что у них общего с этими торговцами!

– Понятия не имею, – пошел на попятную Ефим. Он вообще не любил спорить о том, в чем не был твердо уверен. Просто добавил, что считает – воинская храбрость несколько не зависит от национальности, как, впрочем, и все другие качества.

– Караимы прямые потомки хазар! А хазары тоже были прирожденными воинами! – не успокаивался генерал.

Вот порадовался бы брат Ефима, ведь еще один нашелся человек, который обнаружил хазарское происхождение. Да еще какой! Герой Кавказа. Хазары, половцы, куряне, варяги, князья, уж очень далекое прошлое – в принципе, какое это имеет значение. Для брата же происхождение было соломинкой, за которую ухватился. Для генерала – предметом гордости. Ефиму только мешало. И смешны были сегодняшние поиски, как правило, дворянских корней. Даже общества всякие появились. Хазарской культуры. Дворянское собрание. Дворянские корни все, кто очень этого жаждал, обнаруживали в архивах. Но ведь не происхождение определяет место человека в этом мире. Ефим был уверен, что геройский генерал не нуждался в воинственных предках. Он им всем давал сто очков вперед.

Катюша же не успокаивалась, последнее слово всегда должно было быть за ней. Под ее словесным напором генерал смолкал.

И завидовал генерал Ефиму, что тот живет один. А Ефим завидовал ему. Все бы отдал, чтобы вернуть Лизу. Вот генерал забот не знает, стол накрыт вовремя, мундир вычищен, рубашки отглажены. Попробовал бы пожить без жены, по-другому бы заговорил.

Так вот, этот сосед-генерал вырос за спиной Ефима внезапно, треск сварки скрыл его грузные шаги. Ефим почувствовал на плече тяжелую генеральскую длань и выключил сварочный аппарат. Пришлось долго объяснять генералу, что обечайки эти он сваривает для колодца, что хочет сделать колодец у себя на даче глубокий, чтобы достигнуть водоносных слоев, и что обещают ученые мужи – вода в колодце будет целительной. Но генерала не просто было провести. Он выслушал, засопел и, сильнее надавив на плечо Ефима, произнес:

– Конспиратор хренов! Какая у тебя к черту дача, ты там, почитай, два года не показывался! Там все бурьяном заросло! А хочешь, я скажу, что ты делаешь?

Ефим постарался освободить плечо от генеральской ладони, после ряда усилий это удалось, он вздохнул и решил уже было во всем признаться, но не успел, потому что генерал продолжил:

– Я знаю – ты готовишься делать туннель, чтобы добраться до острова! Говоря нашим солдатским языком – подкоп! А кольца для укрепления подкопа, так?

– Конечно! – подтвердил Ефим. – Туннель, подкоп!

– Молодец! Истинный крест, молодец! Это святое дело – сначала подкоп, потом разведка боем. Потом артподготовка – и на штурм! – одобрил Ефима генерал. – Всегда надо помнить

греческие уроки! Троянский конь необходим! Но и Суворова не забывать – резкий напор и враг повержен. И маневр, хитрый маневр необходим!

Потом генерал еще долго говорил о смекалке русских людей, вспомнил Левшу, который блоху подковал. Ефим, правда, ему возразил, блоху-то подковал, только она прыгать эта английская блоха перестала.

– И нечего ей прыгать! Эх, чудак ты человек, – зарокотал генерал, – на таких чудаках земля держится! Мы им устроим штурм Измаила!

И предложил обмыть начало боевой операции. Ефим не был пристрастен к спиртному, но и не отказывался, если предлагали. Солнце еще не коснулось линии горизонта, когда они закончили бутылку армянского коньяка из генеральских запасов, сделанных в последнюю кавказскую войну. Выпив марочный коньяк и почувствовав облегчение на душе, они стояли на генеральской веранде – свободные люди в свободном мире, где никто и ничто уже не могло нарушить их покой. Мир вокруг без войны. Все было в полном порядке. Если бы не этот остров на горизонте. Сейчас, в малиновом свете заката, этот остров, раскаленный, становящийся на глазах темнеющей вишенкой, казалось, плыл в море. От этой раскаленной капли на краю затившегося вечернего моря исходило какое-то волнение, в душе Ефима оно порождало надежды, для генерала казалось предтечей угрозы.

– Эх! – сказал генерал, взмахнув рукой, словно давал команду: пли. – Сейчас бы мне пару ракетных установок, шандарахнул бы по этому острову – и дело с концом!

– Чем он тебе помешал? – спросил Ефим.

– Вот увидишь, вскоре раскроется, разведку нашу, слава Господу, не сократили либералы хреновы! Вскоре все раскроется! Это, голову даю на отсечение, америкосы придумали, от них всего можно ждать! Замаскировали авианосец под остров, посадили на палубе кусты – вот и все дела!

Спорить с генералом было бесполезно, он был всей своей прошлой жизнью приучен к тому, что враг не дремлет и что наши солдаты тоже должны быть готовы дать отпор, а главное, беспрекословно верить своим генералам и подчиняться, не оспаривая приказа.

– Да, да, – успокаивал генерала Ефим, – америкосы, Пентагон, либералы! При этом Ефим все время подталкивал генерала к дверям, ведущим в спальню, а сам стал пятиться в коридор. Надо было выскользнуть из дома незамеченным генеральшей. И это Ефиму удалось. Уже в дверях он услышал ровный храп грозы Кавказа и ретировался к воротам, калитка была не заперта – и все сложилось как нельзя лучше.

Глава 3

Однако дома его ждало известие, не только напугавшее городские власти, но и взбудоражившее всех жителей. Сообщили соседи. Потом прочел в бесплатной газете, сунутой под дверь. Из центра, оказывается, уже выехала большая комплексная комиссия для проверки, как было сказано в прессе, ложных домыслов о появлении острова. Задача, видимо, была для комиссии поставлена на самом верху. Там были уверены – острова не существует, предстояло доказать ложность сигналов из морской провинции. Эта провинция, в которой был город без названия, просто номерной, моногород, всеми забытый и на некоторых картах даже не обозначенный, вдруг стала центром внимания уже не только нашей прессы, но и зарубежной – падкой на различные сенсации. Комиссия должна была расставить все точки над *i*.

Содержать и улаживать комиссию предстояло не только местному правительству, но и всем жителям города. Поговаривали, что уже с завтрашнего дня будет введен новый налог на имущество. Последняя такая комиссия была здесь год назад – тогда искали гастарбайтеров, не имеющих документов, никого не нашли, но город порядком разорили. Во всяком случае, винный отдел в супермаркете после этой комиссии два месяца не торговал, а дефицит бюджета составил более ста миллионов. Приезжали еще проверяющие, чтобы выяснить, почему землю у моря продают только владельцам игорного бизнеса, но от тех отделались легко, подарив им несколько гектаров в районе поселка Озерного. Игорный бизнес вскоре совсем заглох, так что землю эту проверяющие вернули городу, вернее продали, правда, по более высокой цене. Но не пожадничали и, говорят, дали местному правителю солидный откат. К откатам давно все привыкли. Для властей города и чиновников любого ранга главными стимулами жизни становились откаты и повышение налогов. Ну, и конечно, газовая труба – основной источник жизни и залог процветания. Скрытый отбор газа и торговля им давали неслыханные прибыли. Комиссия могла многое обнаружить. И упаси, господь, трубу перекрыть...

Все хлопоты и опасения касались в первую очередь властей города. Таким простым пенсионерам, как Ефим, терять было нечего. Материально – да, нечего... Но ведь старались и мечту отобрать, и надежд лишить. Могли ведь, к примеру, и отнять остров, фактически городу не принадлежащий. Или же передать его в собственность своих фирм. Как это собираются сделать, было не ясно, но все понимали, как комиссия решит, так и будет, против указов свыше выступать себе дороже. Все деньги, к тому же, в приватизированных этими деятелями банках. А за деньги, полагали обыватели, можно все сотворить... Тем более, последнее время ученые утверждали, что остров имеет искусственное происхождение и его можно запросто отбуксировать по рекам до самой Москвы.

Известие о скором приезде комиссии принесла Ефиму и девица Людмила по прозвищу Козочка. Прозвище это шло от фамилии – Козлова, и не только от фамилии. Была в ней какая-то прыгучесть, которую она с трудом сдерживала, но при этом хотела очень казаться солидной. Студентка четвертого курса пединститута. Будущая преподавательница. Хотя, глядя на нее, в это трудно было поверить. Уж очень молода, да и не серьезна. Представить ее классной дамой было невозможно. Если взглядеться – сама нежность. И вся в каком-то полете, словно парит над землей. На вид совсем еще девчонка. Челка нависала на глаза. Людмила оттопыривала губу и дула на нее. Рыжая челка придавала ей сходство с мадам Самари, увековеченной Ренуаром. Правда, в отличие от этой солидной мадам, Людмила была слишком тоненькая. Такая же, как Лиза. Иногда Ефима просто удивляло их сходство. Была студенческая фотография Лизы, когда ее случайно увидела Людмила, то спросила: откуда у него ее фото. Ефим не хотел признаться даже себе самому, что его тянет к Людмиле сходство с женой... Чувства были необъяснимы. Скорее всего, их отношения были наиболее близки к отношениям отца и дочери. Она была совсем из другого непонятного ему поколения. На разных книгах воспитывались. У него

– Паустовский, у нее – Пелевин, да еще и местных писателей чтит, которых Ефим вообще читать не мог. И к стихам был Ефим равнодушен, хотя в студенческие годы знал наизусть некоторые полюбившиеся стихотворения, она же вся загоралась от рифмованных строк. Хотя противники стихов Толстой и Чехов тоже были почитаемы – здесь сходились интересы. И Библия. Поначалу Людмила, как и Лиза, не понимала его трепетного отношения к этим ветхим заветам и заповедям, потом зажглась и даже просила почитать то или другое любимое место вслух. И когда он читал ей, то думалось, что Лиза слушает его, ведь Людмила любила именно те места, что и покойная Лиза. Были это книга Иова и еще про Лотову жену и про Рахиль. Про Иакова и Рахиль. Про большую любовь Иакова, готового все вытерпеть ради того, чтобы заполучить возлюбленную. Такого теперь не сыщешь, вздыхала Людмила. Фактически лишенная нормального детства, перетерпевшая унижения и бедность, детдомовский быт, мерзости и предательства, она оставалась доброй и всепрощающей. Рассказывать о детдоме не любила. Считала, что ей очень повезло – поступила в институт, дали стипендию, да еще подработку нашла на почте. Работа такая, что можно во время дежурства читать. Всему она верила, что написано в книгах. Для нее и Ефим был подобен героям из любимых книг. Смотрела на него с обожанием, пристально разглядывала, словно пыталась сравнить с этими героями. Он никогда сам не приглашал к себе Людмилу, но когда день-другой она не появлялась, подолгу глядел на дорогу ...

В последнее время Людмила часто забегала во двор к Ефиму и, усевшись на поленнице дров, подолгу засматривалась на то, как Ефим что-нибудь мастерит. За ней многие парни ухаживали, притягивали, наверное, её искренность и доверчивость. Глаза у неё были огромные, всегда с удивлением вззирающие на мир и меняющие цвет в зависимости от времени дня. Однако парней всех она отвергала. Ефим ее понимал. Когда город рассекретили, слишком много сюда понаехало из других мест, так называемых отказников. Дело в том, что армия сокращалась, но военкоматы в других городах остались и этим военкоматам вменили в обязанность призывать взамен срочной службы на государственную работу юношей с восемнадцати до двадцати лет. Государственной работой, словно в насмешку, называлась самая грязная и не престижная работа. Уборка улиц, лесоповал, очистка рек. Здесь же, в отличие от других мест, в зачет за службу была работа на секретной верфи, поэтому военкоматов не было, и призывом здесь никто не занимался. Правда, как приехали эти молодые люди, так и быстро уехали, узнали про радиацию, и только здесь их и видели. На своих же парней рассчитывать не приходилось. Раньше все молодые люди призывного возраста работали в секретных лабораториях. А там радиационный фон зашкаливал приборы. Так что толка от них было мало в делах любовных. Да и с началом перестройки большинство молодых лаборантов и программистов покинули город, чтобы обрести признание в Штатах.

На смену им обещали в правительстве принять переселенцев. Недолгое время правил городом один амбициозный деятель, бывший эстрадный артист, говорил он бойко, успел всем головы вскружить. Придумал местные правительственные награды. Убрал с площади памятник Ленину и установил на его месте памятник кораблестроителю. Бывший горисполком стал называться правительством, начальники отделов стали министрами. Оклады министрам, естественно, сделал на уровне кремлевских – все ж не простые чиновники, а министры... Программу целую составил, как всех русскоязычных, рассеянных по миру, в город привлечь, сделать город мегаполисом, а там и столицей всех русских людей. Устроил в городе гастроль самого Киркорова. Половину городского бюджета в этот концерт вложил. Певец был доволен. Говорят, они были друзьями. Одного не учел – радиации, она всех отпугивала. Недолго он властвовал, ничего не успел, бюджет местный опустошил, кредитов набрал неподъемных и сам загремел в психушку. Столичные врачи определили – шизофрения. А возможно, и было задание от верхних властей такое, чтобы устранить зарвавшегося артиста.

А исполнились бы его планы, не моталась бы сейчас Людмила по городу в одиночку, от женихов бы отбою не было. Девушка красивая, ее только приодеть получше, да манерам светским подучить. И еще в ней есть одно достоинство – знает почти все стихи Цветаевой наизусть, читает их так искренне, с таким напряжением, что закрой глаза и покажется – эта многострадальная и гениальная женщина вдруг ожила. Ефим далек был от поэзии, но даже его эти стихи будоражили, он не скрывал своего восхищения и просил читать еще и еще. Людмиле это нравилось. Она как-то сказала: никто из наших парней и слушать не хочет, говорят, устарела Марина. Глупые они, ведь это крик души, а разве он может устареть. Он соглашался, конечно, глупые...

Всякий раз, когда она появлялась на дороге, то, даже еще не видя его, кружила рукой над головой, словно расталкивая воздух. А заметив его, широко улыбалась. Но в этот раз не было обычной улыбки на ее лице.

– Ефим Захарович! Все в панике! – встревожено сказала Людмила. – Я слышала – и про вас говорили, мол, надо проверить, что вы сооружаете. Донос был, что большой самогонный аппарат. На четырех листах написан от руки. Мне знакомый милиционер сказал ...

– В наше время – и от руки! Донос опять старый писатель настрочил! – догадался Ефим.

– Ну, что вы, Ефим Захарович! Писатели никогда не станут таким гнусным делом заниматься, – возразила она и привычным движением тонких пальцев смахнула волосы со лба.

Людмила училась на филологическом факультете и к писателям испытывала особое уважение. Даже диплом она готовилась писать по истории местной литературы. Название заковыристое. Что-то вроде сенсорного восприятия тропов в литературе моногородов. Советовал ей Ефим, взяла бы что-либо более понятное.... А то заладила: местная литература, гений места, творец в провинции... Даже доносчика производила в гении...

Переубедить её было трудно, она ведь не знала тех времен, когда донос был почти решающим в любом деле. Ты не донесешь, на тебя донесут. Это сейчас доносы почти и не читают. А раньше и пулю можно было схлопотать!

Но если взглянуть правде в глаза, то кто, кроме старого писателя, мог сотворить донос, могли по телефону наговорить, могли вскользь брякнуть при начальстве о своих догадках, могли по Интернету анонимно любой поклеп возвести. Но вот чтобы писать не на компьютере, а по старинке – на бумаге, и не электронной почтой посылать, а в конверте – таких чудачков почти не осталось. Только такой раритет, как старый писатель, способен продолжать старинную форму доносительства. Говорят, скоро будут отмечать его столетие, а годы его не берут. Сколько помнит Ефим, все время, этот ветеран писчих дел, щурясь близоруко, через пенсне вглядывается в каждого внимательно, и вроде благожелательно, а на самом деле жаждет в каждом гнильцу обнаружить. Уже писал он раньше донос на Ефима, когда тот «В круге первом» Солженицына у моряков приобрел. Да опоздал с доносом. Вышло на деле, что Солженицын самый великий среди пишущей братии, и из своего Вермонта в Россию с триумфом возвращается. Правда, пшик из этого триумфа вышел. Не ко времени мессия прибыл. Да и не дело это – писателю диктовать, как Россию обустроить. Так что сейчас Ефим, пожалуй, и согласился бы с тем кагэбэшником, который его, Ефима, пытался перевоспитать и Солженицына с пьедестала сбросить. Ефима он не убедил, а вот многих партийных инженеров человеческих душ, так называемых писателей-патриотов, вероятно, сумел привлечь на свою сторону. Потому что они коллективное письмо-протест против «литературного власовца» Солженицына в столицу накатали, и секретарь местного союза это письмо, не доверяя почте, сам возил главным писателям в свой писательский союз.

В правительстве местном старого писателя презирают и, можно сказать, даже ненавидят, однако к любой знаменательной дате то грамоту, то премию не забывают дать. Подачкой ему рот затыкают. Говорят: он наша живая история, а историю очернять нельзя. Ужели можно столько жить! Вот доказательство бессмертия! По его доносу в прошлом веке знаменитого

поэта расстреляли. Об этом сам с гордостью рассказывает – вот, мол, укоротил я этого Леля златокудрого Пашку, кулацкого певца степей... Тогда, рассказывает, справедливые времена были: высшая мера социальной защиты и точка. Нет, обычные люди, столько не живут. Возможно, обречен он за грехи свои на вечное доносительство. Ведь только подумать, даже поверить в это трудно, но от фактов никуда не деться: в коллективизацию лично крестьян разорял. И крупно повезло ему. Первые его рассказы сам Горький расхвалил, обнял, заплакал – от радости или с горя, теперь уж не разберешь. И сейчас писатель этот живым укором местным властям. Каждый свой донос он пишет не от своего имени, а начинает так – мы писатели-патриоты, а заканчивает фразой: «За что боролись!»

И понять его можно – действительно, за что? Чтобы олигархи всю власть забрали и всякую надежду на коммунизм у людей отобрали. Себе они коммунизм на земле устроили, а остальные пусть в нищете прозябают и не возникают. Народ у нас терпеливый. Хлеб и водка есть – вот и хорошо. Все вроде смирились, а тут на горизонте этот остров ни с того, ни с сего. И какой-то Ефим, по словам старого писателя, тайный хазарский ставленник, пособник сионистов, хочет первым достичь острова и продать его немцам для передачи Израилю, которому угрожают пески Сахары и надо срочно сюда переселять своих людей...

В тот день Ефим дольше обычного говорил с Людмилой. Полагал, что вскоре предстоит им расстаться. Людмила смотрела на него с неподдельной тревогой. Неужели его испугал донос? Она не хотела смириться ни с предательством, ни с человеческой подлостью, не хотела верить, что повсюду они еще есть, хотя на себе все это много раз испытала.

– Ну почему все так несправедливо, почему нельзя быть добрым, скажите Ефим Захарович? Вот Толстой, как говорил, любите друг друга и все будет чудесно... Верил, что все честные люди объединятся.

Ефим не стал спорить, слова правильные, но ведь сам Толстой, любил ли он своих домашних? Людмила в том возрасте, когда любовь важнее всего.

– Мне почему-то боязно за вас, – сказала Людмила и глубоко вздохнула.

Он успокоил Людмилу, взял с нее слово, чтобы за него никогда не волновалась. Он за себя постоять сумеет и никакие доносы ему не страшны...

И действительно, донос писателя остался без ответа, никто претензий к Ефиму не предъявил, не до этого было, в местном правительстве и без него хлопот хватало. Кто-то из недоброжелателей и хулителей нынешнего правителя приморского городка пустил слух, что комиссия везет нового ставленника ему на смену.

Надо пояснить, что в этом городе, где располагались десятки секретных лабораторий, и раньше не проводили выборы ни мэра, ни, как теперь называют, правителя. Правил здесь поначалу знатный академик, физик-атомщик, лауреат всяческих государственных и негосударственных премий, холеный тип, не выпускающий потухшую трубку изо рта, по фамилии Витов, был он одно время директором верфи, его и тогда считали все главным правителем края. Был он немного старше Ефима, относился к Ефиму дружески, всячески опекал. Даже к ордену представил и был взбешен, когда в горькоме его протеже из списков за неясное происхождение вычеркнули.

В первые годы перестройки Витов был назначен мэром, а через год уехал в Париж, где ему дали большую зарплату и современную оснащенную новейшими приборами лабораторию, и в городе поначалу стали избирать мэров. Но это не привилось. Обожглись на артисте: первый, свободно избранный мэр, на поверку типичным дуремаром оказался. И слово «мэр» надолго скомпрометировал. Так что теперешний фактический мэр города иначе и не называется как «правитель». Или еще называют его – наместник. Был он из местных, бывших борцов с привилегиями, свой, заводской. К нему все притерпелись и перемен боялись. Ефим, хотя и знал его, как облупленного, ни с кем своими знаниями не делился. Не успокаивались только те, у кого обнаружилась лучевая болезнь, так называемые «лучники», устраивали пикет за пикетом... Но

к их пикетам привыкли уже и внимания особого на них не обращали. Даже специальную для них созданную в свое время больницу прикрыли – и то сошло с рук. Так что на выборах другой власти никто не настаивал. Опасались чиновники, что при смене власти будут проведены массовые ревизии и опять назначат передел собственности. Тут уж было из-за чего трястись многим столоначальникам. Почти каждый из них владел если не торговой фирмой, то землей у моря или подобием дворца не здесь, так на Канарах.

Многие больницы, расположенные в парках, закрыли, также как и спецбольницу, где лечили облученных, здания приватизировали, на месте больничных парков коттеджи себе понастроили, мало им Канальной улицы с дворцами, даже бывшее певческое поле один из министров приватизировал и на его месте башню астрономическую для себя построил. Собирали он в этой башне других министров на чай, выпивали, играли в покер, смотрели на остров в телескопы.

Теперь были все напуганы приездом комиссии. Хотели даже нанять гастарбайтеров и башню разобрать, но хватились – где эти гастарбайтеры? – ищи, свищи, а свои местные от черной работы бегут. И тогда придумали – крупными буквами написали на входе в башню: «Общедоступный детский планетарий», благо телескоп там был. Больницы не восстановишь, но и тут выход нашли – на построенных коттеджах вывесили всякие медицинские эмблемы, вроде чаши со змеей и аптекарских весов, дежурившего там милиционера одели в белый халат и написали на воротах, ведущих в коттеджную улицу, «Реабилитационно-восстановительный центр». Тем более, что такой центр раньше в городе был, и сократили его по просьбе врачей, которые теперь пооткрывали частные свои клиники и кабинеты. Но на бумаге центр числился, и на него выделялись немалые деньги.

На границах района усилили контроль, выставили верных людей под видом таможенников, на почту тоже послали своих соглядатаев – велено было задерживать все письма, содержащие информацию об острове и выявлять жалобщиков. Хуже было с интернетом – поставить заслон информации здесь было невозможно. Тогда объявили кампанию по оздоровлению молодого поколения – всем, кто отключал интернет, в торжественной обстановке вручались дипломы патриотов и материальное вознаграждение. Совет ветеранов, давно ожидавший своего часа и давно требующий покончить с источниками разврата в сети, теперь получил право контролировать интернетовских провайдеров. Доступ к сайтам, где проводились форумы по происхождению острова, был закрыт. Заход на эти форумы разрешался только членам местного правительства, фээсбешникам и корреспондентам пресс-центра.

Пресс-центр разросся до невероятных масштабов, половина их с бизнесом связаны, а все эти многочисленные писаки двойную игру вели. Все они были или владельцами газет или редакторами. Все норовят свой куш отхватить. Обо всем этом знал Ефим, порассказал ему старый друг Зонин, да и без Зонина многое было известно, все в городе о казнокрадах говорили почти открыто, возмущались. А кого в верхах страшило это? Но Ефим уже и не возмущался, потерял всякую веру в справедливость уже давно, и от приезда комиссии ничего хорошего не ждал. Не было бы хуже. Давно уже дал себе слово: жить вне политики. Другая мечта теперь овладела им, вообще отстраниться от этого мира. А все надвигающиеся события могли и его затронуть – отдалить его от острова, лишить мечты...

Глава 4

Ефим Назарук и не подозревал, какие тучи сгущаются над его головой. Никакого дела до всей суеты, связанной с приездом комиссии, Ефиму не было, телевизор он не смотрел, в Интернет не залезал, новости узнавал от Людмилы или из передач забугорного радио. Да еще газету местную бесплатную иногда под двери просовывали. Единственный журнал, который выписывал по старой привычке «Наука и жизнь», тоже нередко оставлял непрочитанным. Появились там статьи о нечистой силе, о провидцах и прочая колдовская смесь, это было уже не для него. Когда варил обечайки, надевал наушники, слушал, в основном Берлиоза и Вивальди, и тем самым и треска сварки избегал и настроение улучшал. Давно уже понял Ефим, что ничего не может решить простой обыватель, и все выборы, и все гражданские слушанья и все общественные палаты – это фикция, как говорится: голосуй, не голосуй – все равно получишь... сами понимаете, что.

Так что политика его перестала волновать и ничто уже не страшило, ничего он не ожидал и никого не боялся. Зато возмущался Михаил-пустынник, такое прозвище носил сын Ефима, рыжеволосый верзила, всегда небрежно одетый. В профиль все его лицо приобретало такое выражение, словно он хотел задуть свечу. Нос и губы вытянуты. Было в этом выражении полное презрение к окружающему миру. Как-то в прежней квартире, в комнате жены, где все оставил в том порядке, как было это при ее жизни, Ефим случайно в трельяже увидел свой профиль – сходство с Михаилом было полное. Такая же гримаса презрения. Значит, подумал он, и во мне видят люди человека, отвергающего всех, насмешливого и не от мира сего. Но ведь нет никакого презрения к миру, есть, правда, нежелание с этим миром общаться. Но стоит ли открывать душу каждому встречному. Никто не знал, что Михаил-пустынник внебрачный сын Ефима. При жизни жены Ефим хранил этот секрет как самую главную государственную тайну, а после смерти жены открылся Михаилу и был наказан за свою откровенность такой сентенцией вздорного юнца: «Очень сомнительный постулат! И где ты был раньше папаша? Я не смог бы произойти от столь смиренного, верноподданного обывателя!» Амбиций у Михаила было выше крыши. Считал себя чуть ли не пророком. Друзей не заводил. Девиц сторонился. И достаивал разговора только Людмилу, хотя та его категорически отвергала.

Людмила с любовью и обожанием смотрела только на Ефима, то ли отца в нем видела, ведь росла в интернате, родителей своих совсем не знала, то ли почитала в нем учителя, который все может объяснить. Но и самой ей было страшно даже себе признаться, какое главное и скрытное было её желание: хотелось больше всего на свете прижаться к его груди и слушать удары его сердца. Что это было: наваждение, колдовство какое-то или обычное стремление молодой девицы получить в наставники первого любовника много старше себя самой, трудно определить.

– Но ведь не такого же старого – сорок лет разницы – целая жизнь, два поколения прошли. В дедушки он тебе годится, окстись, Коза, – так говорила ей одна из давних детдомовских подруг, с которой имела неосторожность разоткровенничаться.

Согласилась тогда с подругой, сказала – да, я просто так, скучно мне с другими.

– И со мной тоже, – обиделась подруга. – Ты другое дело, ты мне как сестра, а он...

Но нельзя сказать, что уж так Людмила людей чуралась. Напротив, она была общительной и очень доверчивой девицей. Иногда Ефиму становилось страшно за ее дальнейшую судьбу, и он очень хотел защитить ее, обнять, но не как любовник, а как отец или, в данном случае, скорее даже не отец, а дедушка. И он всегда называл ее нежно – Милочка.

Вот и сейчас, слушая ее щебет, он думал, какая она все-таки доверчивая, как может легко поддаться любому обману; и хотелось ему оберечь ее от всех этих ложных приманок. В ее годы о любви надо думать, а не о местных кознях правителей. Сравнивал ее с Лизой, нет, Лиза была

словно частица его самого. Никто ей не был нужен, никакая политика. А Людмила живет придуманными страстями и иллюзиями. Верит в то, что может многое изменить. В прошлом веке с такими не церемонились, да и сейчас до поры до времени терпят, доносы в папки подшивают, видео и аудиозаписи на полках складывают, копии писем в конверты кладут. Выросло непорочное поколение – проморгали власти. А теперь – повода только ждут. НЛЮ или Остров – не все ли равно, бараки на Колыме пустуют... Сибирь надо осваивать, не отдавать же её китайцам...

Просил ее, расскажи Милочка, лучше о своих институтских делах, или давай помечтаем вместе, как на каникулах поедем опять на то забытое всеми лесное озеро, где на опушке леса растет сладкая крупная земляника...

Она покраснела и сразу же соглашалась, говорила – это были самые лучшие дни моей жизни... Лучшие у тебя еще впереди, уверял он Людмилу.

Не говорил ей, что раньше любил с Лизой на это озеро ездить. Получалось, что предавал Лизу. Но нет, ведь не было никакого предательства, смотрел, как Людмила осторожно входит в воду, сжимает плечи, почти как Лиза. И все же, какие они разные. И почему Людмилу интересует приезд проверяющих чиновников, какое нам дело до них...

А она продолжала, заглядывая ему в глаза, говорить о комиссии, о том, что сможет эта комиссия сократить налоги и даже сменить правителя, и что в городской думе уже знают имя нового правителя. И по случаю приезда комиссии во всех школах велели сшить форму, и форма эта будет не коричневого, а голубого, небесного цвета.

– Как жаль, – говорила она, вздыхая, – что мне такую форму уже не носить. О школах позаботились. А наш пединститут как всегда в загоне. Но мы сами и без них устроим праздник, готовим весенний бал-маскарад. Я уже и костюм себе придумала. Буду пророчицей! А вы придете на этот бал, Ефим Захарович?

– Приду, обещаю, если жив буду...

– Будете, будете, мы с вами еще станцуем. А к тому времени и на острове побываем. Если комиссия остров не запретит, представляете, сколько туристов к нам придет, вот будет веселье, устроим балы на острове, там, наверное, воздух чистый; ночью, когда оттуда ветерком веет, такой аромат нежный в тело проникает, ни с какими духами не сравниться!

И без всякого перехода погрустневшим голосом сказала:

– Мне и ароматов и балов не надо – а вдруг и вправду там и есть тот свет и я там родителей своих увижу... Вот только, как я их узнаю, если никогда не видела? И фотографию единственную у меня в интернате мальчишки стащили.

И странно, она ведь тоже верит, что на острове обитают души, а может быть, и тела ушедших. Хорошо иметь мечту, пусть несбыточную. Понимаешь, что нереально все это, но хочется верить...

– Они тебя сами узнают, – успокоил ее Ефим и почему-то порадовался тому, что ведь не один он надеется на совершенно, казалось бы, необычное, почти несбыточное. Раньше никаким фантазиям не верил, а тут вдруг захотелось, чтобы и на самом деле не только его мечты о Лизе обрели реальность, но чтобы увиделась на острове Людмила со своими родителями. Ведь это так тяжело жить, не зная, кто твой отец и мать, как они выглядят, какие они. Ведь они-то Милу должны узнать. Пусть рано этот свет покинули, но дочка есть дочка. Познакомится он с ними. Лизу познакомит... Она теперь много моложе его. И у них снова будет медовый месяц, а Людмила дочкой будет и для Лизы. Вот и все проблемы решатся. Главное теперь – лодку быстрее достроить. Успеть до приезда комиссии. А то ведь могут все запретить, запрещать всегда проще, чем разрешать. Надо было не лодку затевать, а сделать обычную яхту, попробовать на яхте ночью подойти. Взятся совсем за невыполнимое занятие, так вот всю жизнь. Сам себе преграды придумывал...

И в то же время неким необъяснимым чутьем понимал – только скрытно можно к острову подойти, и если не смогли достичь его ни по воздуху, ни по воде, то остается единственный путь – под водой.

Если бы знали люди о его фантазиях и о Людмилиных, сказали бы, ну, старик сошел с ума. И не стал бы их разубеждать. Пусть живут в неверии. Без всякой надежды. Для них со смертью тела умирает всё. А души? Неужели и отец, совсем молодой, тяжело раненный осколком под Кенигсбергом, и мать, ведь тоже фактически молодая, сегодня он, Ефим, вдвое старше ее, неужели и они тоже ушли в небытие и растворились в нем навсегда. Жизнь без дорогих для тебя людей имеет ли смысл. И прав тогда Пушкин: «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?» И в то же время – вечная жизнь – это тоже страшно... Никакая душа не сможет выдержать столь долгих страданий...

Ночью Ефим долго не мог уснуть – все время вспоминал Лизу, первую их встречу на факультетском вечере, ее большие влажные глаза, потом тот день рождения – сразу после свадьбы, она во всем белом, в полупрозрачном свадебном платье, и охапки сирени возле дивана, дурманящий запах и сладость объятий. Потом, все заслонившая долгая болезнь после неудачных родов, выматывающая душу, запахи лекарств, бесполезные поиски домработницы, все эти унижения перед врачами и санитарками, заискивания, презенты... И то, как за большие деньги достал лекарства через общество Красного креста, и когда не хватило денег, не смог расплатиться, председательница этого общества сама заплатила. Очень душевная женщина и лицо чисто русское, широкое, глаза живые, ясные. Симпатизировала ему. Но и он, и эта женщина понимали, не время и не место. Надо было Лизу спасать. Обо всем этом думал, понимал, что все отняла эта болезнь Лизы, жалел себя, даже думал о том – какое счастье и в то же время несчастье этот брак, за пять лет любви такая расплата, и за что же такая напасть – не рожденная девочка, погубившая ее. В ушах стоит голос главврача: «Зачем вы это затеяли! Это самоубийство! Вас же предупреждали! И вот, как следствие – инсульт!» Конечно, в первую очередь сам виноват...

Так думал, а когда заснул под утро, все предстало во сне совершенно в других – ярких красках, сон был цветной, и все в этом сне были веселые и молодые, и Лиза плясала твист, с упоением, радостно взмахивая руками, а потом упала в его объятия и зашептала: давай уйдем, давай уйдем, в ботанический сад... И он согласился, конечно, в ботанический сад – там так хорошо, там расцвела магнолия. Только там еще сыро. Ничего, сказала Лиза, возьмем одеяло. Но оказалось, что ботанический сад закрыт, а ограда высокая, и они никак не могут перелезть через эту ограду. Он заплакал, несколько не стыдясь своих слез. В жизни никогда не плакал. А тут никак не мог сдержаться. Отворачивался, чтобы Лиза не увидела его слез. А Лиза стала успокаивать его, гладить по щеке и сказала: ничего страшного – все поправимо, мы поплывем ко мне, в мой дом. А разве у тебя есть свой дом, удивился Ефим. Мой дом на острове, неужели ты не догадался, я уже давно живу на острове в райском саду. Но меня могут туда не пустить, опечалился Ефим. Я дам тебе яблоко, сказала Лиза, бежим к твоей лодке. И они побежали, как дети, взявшись за руки, и его поначалу испугало то, что руки у Лизы были совсем холодные, а потом еще больший испуг охватил его, когда он увидел, что на дворе валяются исковерканные обечайки. Они были сплюснуты, как часы на картине Дали. И он проснулся в холодном поту, задыхаясь от нехватки воздуха, и долго сидел на кровати, ожидая пока успокоится сердце. А потом босиком прошел во двор – лодка стояла на месте, в темноте она напоминала большую черепаху, и показалось, что вот-вот шевельнет скрытыми под панцирем лапками и поползет к морю. Подожди, сказал он ей мысленно, близок день спуска на воду, совсем близок...

Начавшийся день, как и утренний сон, выдался беспокойным. Ефим многого не знал, но какое-то предчувствие томило его. Хотя он и не знал, что еще неделю назад на заседании общественной палаты выявляли подозрительных и неблагонадежных – и кроме того, всех тех, кто хотел достичь острова. В ряды подозрительных записали и Ефима. Решали – куда сму-

тяннов выслать на время работы комиссии. Предложил правитель – на пароход. И одобрили решение правителя, никто не возражал. Полагали, что будет специальный пароход для инакомыслящих, который отойдет от причала и станет на якорь так, чтобы его не было видно из города. Общественная палата, созданная в пору либеральных реформ и предназначенная отстаивать свободу и защищать права граждан, постепенно превратилась в некий цензурный комитет, который под видом защиты граждан и борьбы с экстремизмом вводил все новые и новые ограничения. Как-то, в городском архиве Михаил-пустынник пошутил, что недалеко то время, когда общественная палата введет высшую меру социальной защиты, форму, бытовавшую в прошлом веке и значительно проредившую генофонд. После такой шутки Михаила изгнали из архива и лишили допуска к секретным фондам, и только благодаря многочисленным прошениям генерала Гароева, восстановили. Генерал же сказал Ефиму, что в последний раз заступается за этого безумца, норовящего мочиться против ветра. Ефиму пришлось объяснить генералу, что это, возможно, его, Ефима, родной сын. Выслушав это объяснение, генерал расхохотался и сказал: «Не исключено. Как говорил мой ротный – встретил мальчика или девочку – погладь по головке и скажи ласковое слово – велика вероятность того, что это твои выблядки!»

От Миши своего, посоветовал генерал, держись все же на расстоянии. Он завязанный англо-ман и либерал! А если по-русски – то типичный юродивый! И еще напомнил – ты уроки милицейские не забыл? Это о том давнем случае, когда запугать Ефима хотели.

Расстояния не получалось. Их с Михаилом тянуло друг к другу. Ненависть и обиды смешивались с родственными чувствами, а со стороны Ефима даже с любовью, которой протестант и баламут, пожалуй, не заслуживал. Они не понимали друг друга. Был Михаил из нового молодого поколения, которому судоверфь казалась анахронизмом. Какие-то секретные подлодки. Кому они были нужны! – возмущался новоявленный сын. – Лучше бы делали холодильники и стиральные машины или что-нибудь другое полезное для народа! А то всю жизнь работать на войну, очуметь можно! Любая война – это убийство себе подобных.

Ефим возражал ему: если не имеешь средств защиты, то не сможешь остановить войну. Должна быть такая оборона, чтобы на тебя не решались напасть! Не обязательно убивать себе подобных! Надо уметь выстроить защиту и показать миру, что на нас нападать себе дороже! Михаил не принимал никаких доводов, продолжал своё:

– И даже тот, кто впрямую не убивает, а изобретает или изготавливает средства убийства, косвенно участвует в боине. В мирное время работать на войну постыдно! Та лодка, которая погибла, тоже здесь строилась. Восемьдесят жизней на дне! А скольких погубила радиация! Об этом вы все молчите! Страх у вас в генах живет!

Он знал, как поддеть Ефима, задевал самые больные места. Вот уж, прав Гароев, это и впрямь настоящий юродивый. Правду все норовит высказать. Добро бы только ему, Ефиму, а то ведь и на своей работе, и в пикетах своих выкрикивает это. Хочет быть на юру, на самом бойком месте. Разве можно говорить вслух о радиации. Это был главный секрет – прорыв в контуре первого реактора. Могут и упрятать за такие речи. Ведь у всех, кто был причастен к установке первого реактора, брали расписки о том, что никогда и нигде не скажут об этом происшествии. Угрожали, если проболтаетесь – вам конец. Одного такого болтуна отправили в мордовские лагеря. Все знали и молчали, на западе корреспонденты подряд писали об этом... Но мало ли что можно написать – а где доказательства? Вот и гибель подлодки хотели раздуть, но тоже во время пресекли все разговоры. Про гибель лодки нигде не писали, хотя и это невозможно было от жителей города скрыть. Правда, это уже ушло в очень далекое прошлое, многое из этого прошлого лучше не хранить в памяти. Михаил знал обо всем, недаром успел поработать в секретном архиве, и доказательства у него были. Просил его Ефим – никому ни слова, если тебе дорога жизнь. В ответ обычные усмешки. И мало усмешек, так еще и выпады:

– Сколько же можно молчать! Империя рухнула от этой лжи! Вот оно, ваше поколение – все промолчали, все ждали, что за вас кто-то другой скажет. Недаром говорится, опасайтесь не врагов, бойтесь равнодушных! Отсидеться в кустах хотели!

Оскорблять Михаил умел. И получалось, что он, Ефим, во всем виновен. И даже в том, что атомные подводные лодки верфь строила. Я в том почти не участвовал, объяснял Михаилу, но тот слышал только самого себя. И ведь прав был во многом. Да, не строил атомных лодок, но не потому, что не желал или протестовал, всегда понимал – необходимо стране новое вооружение для своей защиты, просто строительство прекратилось. Но атомные установки продолжали ремонтировать. Это Михаил тоже знал. И это его больше всего возмущало.

– Атомная энергия нас всех погубит. Европа отказалась от атомных электростанций, а мы строим! И все молчат. Япония и Чернобыль ничему не научили! – почти выкрикивал Михаил. Ефим смотрел на него и пытался разгадать – это гнев истинный или показной. Слова... Слова... Что ж, пусть поборется, пусть увлечет тех, кто услышит его. А если по большому счету, не будет у нас сдерживающей силы, не будет атомных подлодок и атомных бомб, какой-нибудь новоявленный фюрер вооружится такой бомбой и весь мир повергнет в пучину войн. Когда говорил об этом, Михаил и слушать не хотел, какой фюрер, где ему взяться! Отвечал ему – ну Северная Корея, к примеру. Этот карлик! – возражал Михаил. – Пыжаты только!

Можно было бы и не спорить с ним, а просто спокойно отойти. Забыть о его существовании. И все же это был родной человек, которого оставить было невозможно, и который хоть и витийствовал и обличал, но и тянулся к отцу. Как-то в порыве откровения он даже приобнял Ефима и сказал извиняющимся тоном:

– Думаете, я против всех восстаю, думаете, никого не люблю. Я добра желаю. Другой бы давно отсюда уехал. А это ведь моя родина. Я пуповиной с ней связан. И словно пожалев о временном своем смягчении, сказал уже с пафосом: но любить Родину, не значит любить Государство, а вы здесь знак равенства ставите, а Государство, поймав вас на слове, имеет каждого, как захочет.

И вот подтверждение его слов – злосчастный пароход.

Михаил тоже принес весть о том, что всех инакомыслящих вывезут из города на пароходе, он совсем недавно бросил архив и устроился котельным оператором на этот пароход и там, на его пароходе, уже готовили каюты для большого числа пассажиров. Ефим пытался его успокоить. Нельзя верить слухам. Объяснял, что знал правителя, работал вместе с ним на верфи, и хотя он здорово изменился, но на такой шаг не пойдет. Михаил бурно возмущался, как всегда, считал, что пора выходить на площадь, не на шутку был обеспокоен – полагал, что вышлют многих его друзей. И еще он узнал от своего знакомого, который заседал в общественной палате, что тень подозрений пала и на Ефима, хотя понимать, в чем суть подозрений, отказывался. В его глазах не было более законопослушного человека в городе, чем старый кораблестроитель, считавший себя его отцом.

– Послать их ко всем чертям, – продолжал с пафосом выкрикивать Михаил, – послать подальше с их палатами и комиссиями и достичь первыми острова. Вот возьму, подговорю нашу команду, и двинем. Уверен – там я соединю мыслящих людей, у которых голова не забита нелепой пропагандой. Они не будут, как наши правители, ставить свечки в церкви и ползать на коленях подле скульптур вождей-убийц. Они сумеют внятно объяснить происхождение мира и нелепость бытия в таких заброшенных городках как наш! Зачем искать третий Рим в столице. Третий Рим будет воссоздан в провинции!

Слова Михаила насторожили его. В высылку инакомыслящих он не особо верил. Другая была опасность. Он понимал, что остров всё больше привлекал не только его, Ефима, и потому надо было спешить.

Глава 5

Ночь Ефим провел беспокойно. Какое-то шестое чувство предвещало опасность, чуть ли не катастрофу. Ему снова снилась Лиза, и если обычно он радовался, когда видел ее во сне, ведь сон такое же состояние, как и явь, и еще неизвестно, где проходит подлинная и яркая наша жизнь, там или наяву. Отличие лишь в том, что во сне не волен действовать, как ты захочешь. И Лиза в этом сне уговаривала его не плыть на остров. Фимуля, шептала она, никому не дано уйти раньше времени, никому не дано изменять таблицы вечности. Про какие таблицы она говорила, он не мог понять. И только когда проснулся, вспомнил, как ходили они с Лизой на лекции знаменитого итальянского ученого, который утверждал, что есть открытые им таблицы времени и что время обратимо, но при этом, того, кто пытается нарушить его ход, оно утилизирует. Во сне же он про таблицы, конечно, вспомнить не мог, и потому ничего ей не возразил. И потом за ней погнались какие-то люди в масках, с горящими крестами в руках. Он пытался их остановить, но ничего не мог сделать. И от этого бессилия застонал и проснулся. Проснулся и долго лежал с закрытыми глазами...

Потом под душем менял воду – то горячей, то холодной взбадривал себя. Вышел к берегу моря. Все еще спало вокруг. Море было окутано туманной дымкой. Невидимые волны прибоем тихо вздыхали, словно младенец во сне. Восходящее солнце постепенно разгоняло туман и окрашивало воды розоватым цветом. Остров вдали был едва различим. Только тот мог его заметить, кто знал, что именно в этом направлении он находится. Ефим присел на скамью, была эта скамья сделана им самим из цельного ствола дуба, выдолбленная, удобная, и стояла она на взгорке. Отсюда далеко было видно окрест. И море, и уходящие вдаль узкой полоской песчаные пляжи, и мыс, выдающийся далеко в море, мыс со старинным одноглазым маяком. И все вокруг жило в согласии друг с другом. Только человек вносил в этот тихий мир смятение.

Ефим понимал, надо спешить. Надо срочно перетаскивать подводную лодку в эллинг, приготовить ее к плаванию. По-хорошему, так многое надо было бы доделать, но не до этого, погружаться и всплывать будет – и то хорошо. До острова не велико расстояние. Это вам не заграничный дальний поход...

Едва рассвело, он был уже на ногах. Надо было по рельсам стащить лодку к эллингу. Работа сразу не заладилась. Никак лебедку не мог запустить, шестерни прикипели друг к другу от долгого простоя. Любой механизм должен работать, тогда все отлаживается. Это, как и с человеком. Пока ходит, пока действует – живет. А стоит остановиться, слечь – и дни уже сочтены. Сколько уж одногодок, лишенных работы после разорения верфи, закончили свою жизнь – десятки... Сникли, слегли, задохнулись, отставленные от любимых дел...

Наконец затарахтела лебедка. Стал протягивать и крепить трос, одному без помощника было трудно. Но где возьмешь помощника. Михаила надо было позвать, да не хотелось перед ним все карты раскрывать. А лодка застыла, будто приварили ее к рельсам.

Ефим глубоко вздохнул, опустился на землю. Трава была мокрой от росы, но это его не расстраивало. Он был человек воды, рожденный под знаком Скорпиона. Вода была для него словно живое текучее существо. В ней был источник жизни, в ней была заключена еще нераскрытая информация. Эту информацию впитывало тело. Омовения. Крещения. Все это имело неразгаданный смысл. И главный источник воды – манящий простор морей. Не мыслил себя без моря. Купался с ранней весны до поздней осени. По утрам ежедневно вставал под холодный душ. Потому, наверное, не обращался к врачам. Вот только последнее время стали болеть колени, да и в руках не было уже прежней силы. Теперь, немного отдохнув, он знал, что одолеет свою подлодку, стронет с места. Он включил лебедку, навалился плечом на обшивку лодки, помогая маломощной лебедке. Навалился с одного борта. И тут подоспела ему помощь. С другой стороны, высокий человек в широкополой шляпе тоже уперся в борт. Был он явно сильнее

Ефима. Лодка стронулась, закрипела по рельсам, идущим под гору, и пошла все быстрее и быстрее, так что впору было ее не подталкивать, а сдерживать. И неожиданный помощник и Ефим одновременно отстранились от лодки, разом ахнули, узнавая друг друга, и крепко обнялись. С плеском плюхнулась лодка в воду, подняла фонтан брызг, их оросило брызгами, но они уже ничего не замечали...

Вот уж кого не ожидал встретить у своего дома Ефим, так это Далена. Бывший институтский товарищ почти не постарел, высокий, поджарый, на лице почти нет морщин, во всяком случае, в мутноватом утреннем свете они не заметны. И когда снял он свою шляпу, то Ефим увидел, что сохранил Дален прежнюю, аккуратную причёску, разделявшую волосы ровным пробором. Правда волосы эти хоть и не поредели, но стали абсолютно белыми. Одет с иголочки. В руках трость с большим резным набалдашником. Сразу видно птица высокого полета. Этаким седой барин приехал из собственного большого поместья. Ефим смущенно улыбнулся, комбинезон был в масле, а тут на Далене белый плащ, как бы не вымазался гость. Понял сразу, что Дален прибыл с той комиссией, которую так ждут и так боятся правители города, но вида не подал. Тем более, что и Дален не стал говорить о целях своего появления здесь. Он просто выражал бурно радость от встречи с однокашником. Охлопывал друга по спине, залиvisto смеялся. Голос у него был прежний – звонкий голос любителя хорового пения. Везде Дален попевал – и самбист, и каратист... Ефим никак не мог вспомнить, как назывался студенческий хор, где солировал Дален... Кажется, соколы или красные соколы, что-то в этом роде...

– Пойдем в дом, позавтракаем, да за встречу рюмку, другую, – предложил Ефим. Дален стал отнекиваться – разговор нужен мне, приду ещё, но сегодня много дел, надо везде успеть, да и здоровье уже не то...

– Не гневи небеса, я смотрю, ты хорошо сохранился, – заметил Ефим.

– Да и ты узнаваем, – сказал Дален.

– А трость почему? Для солидности? – спросил Ефим.

– Суставы в коленях поистерлись, да и для острастки, чтобы казнокрады боялись, а могу и без нее, – и в доказательство Дален отбросил трость в сторону, показывая этим еще и то, что готов помогать Ефиму в его работе.

– Поплавать решил? – спросил.

– Да вот, к рыбалке готовлюсь, – попытался он обмануть Далена.

– Ну, ты даешь, Назар, – сказал Дален, назвав Ефима прозвищем студенческих времен, – с утра подлодку, как бурлак тащишь. Это же секретная посудина, где ты ее раздобыл?

– Награда за доблестный труд, – пошутил Ефим. – Полгода без зарплаты, а потом мудрое решение – получите готовый продукт! Вот такая сказочная история! Известно ли у вас о таких причудах, знаете ли?

Дален несколько не удивился, конечно, все знал. Если уж за что брался, то брался основательно. Последнее время его, правда, пытались отстранить от главных дел, отговаривали от поездки в моноград, но он уже втянулся во все проблемы этого края. Нашелся друг в ФСБ, тоже выпускник корабелки, документы подготовил, на всех были досье и на Ефима тоже. О том, что там понаписали, не стал говорить своему однокашнику, и словам доносчиков – ни одному не поверил, студенческое братство все-таки превыше доносов. Сказал Ефиму, что затем и приехал, чтобы возвратиться к жизни моногород. Что, увы, таких городов много, порядка пятисот, достались в наследие от прошлого. Надо было предприятия рассекретить и на новые рельсы поставить. Людей работой обеспечить или переселить. Сказал, что теперь вот как нарыв эти города. Мучаемся с ними. Многое упустили наши перестройщики, – пытался объяснить и оправдаться Дален, – не готовы мы были к перестройке, свежего воздуха испугались, вот и всплыло на поверхность всякое дерьмо, и быстро они все к рукам прибрали, обанкротили и прихватизировали, а теперь приходится разгребать. Пообещал, что есть планы возродить верфь, что вновь пойдут оборонные заказы. И атомные подлодки совершенно нового поколе-

ния, нам такие и не снились. И на лодки-малютки заказы будут тоже. Стал объяснять устройство этих лодок-малюток. И оказалось, что даже Ефим не знал, что эти лодки-малютки не только для разведки морских глубин были предназначены. Был проект еще, на случай военных действий, преобразование их в лодки-смертницы.

– Смотри, – объяснил Дален, показывая тростью, как указкой, – видишь, здесь в носу лодки есть углубление, сюда вставляется заряд – лодка подплывает к кораблю, этот заряд прикрепляют к борту и стараются отплыть до взрыва на безопасное расстояние. Неимоверно смелым надо быть, чтобы кого-то рвануть...

Сказал и посмотрел на Ефима испытующим взглядом.

– Я никого взрывать не собираюсь, – сказал смущенно Ефим.

– Знаю я тебя, не собираешься, но вечно что-нибудь выкинешь такое, что за жизнь твою страшно становится!

– Это с чего бы? – недоуменно спросил Ефим.

– А с того, Назар, что мне больших усилий стоило твое спасение и еще больших – спасение нашего Димы Вересова. Твой автомобиль на рапсе – такую панику среди нефтяников вызвал, что готовы они были тебя найти и растерзать, наняли киллера, удалось его перехватить, а Диму Вересова из-за его ракеты я до сих пор прячу...

Ефим не стал рассказывать про то, как в местной милиции, по выражению ее начальника, «выбивали дурь», зачем смущать Далена. Похоже, что и жизнь тогда на волоске висела. Значит, и без Далена не обошлось, спасал, выходит... И не думал, что этот автомобиль всем поперек горла встанет. Напротив, полагал, что схватятся за эту идею о новом топливе, правда с годами все более стал понимать, по лезвию ножа ходил... Вспомнил все и насупился. Поймет ли Дален, что добра всем хотел, а то еще и выговорит, как тогда в местном союзе изобретателей: смотри, Эдисон, – нарвешься...

– Я тебе, конечно, за все благодарен, но всех ты один не спасешь, ничего не получится, – сказал Ефим, – положим, тебе я верю, но что ты можешь один.

– Да что ты скис, Фимуля, – заметив смущение однокашника, сказал Дален, вспомнив, как в институте Лиза звала Ефима, – все это в прошлом, с наследием прошлого будем бороться, выжигать каленым железом, все эти откаты и козни олигархов выведем на чистую воду. Но ты прав, одному трудно биться. Со мной тут целый взвод чиновников прислали. Финансисты мне пригодятся, а остальные – скорее не для помощи, а чтобы меня сдерживать, от них жду только подножек.

– Так, ты тут главный, – удивился Ефим. – Вот не ожидал!

– Не рад, что ли?

– Нет, что ты, Дален, тебе я верю, в любом бы другом проверяющем усомнился, но только не в тебе. Конечно, знаю, как трудно быть у власти и не петь общую песню, неужели тебя не сумели прельстить, власть многих портила...

– Ты знаешь, врать не буду, на первых порах очень трудно было. Дали служебную квартиру, хоромы царские, мне, одинокому, даже непривычные. Завхоз там всесильный говорит, мол, не въезжайте, повремените недельку. Я ничего не подозревая, согласился. А когда переехал – чудо, паркет заменили, потолки сделали навесные, мебель итальянскую поставили. Отказаться трудно. Так этот завхоз буквально через месяц ко мне – маленькая просьба, подпишите ходатайство – мне надел земли в Завидово. Выставил его, так он ко мне подослал проходимца со взяткой. Ну, тогда вижу, слова не помогают. Взял его легонько приподнял, да на горло надавил. Испугался он крепко, притих...

– Но всех ведь так не возьмешь за горло, – усмехнулся и подумал Ефим, ведь квартиру себе, наверное, оставил, но донимать друга не стал, ясно, что белая ворона он там.

– Мебель я всю вернул на склады, – развеял его сомнения Дален, – потом меня стали многие опасаться. Коррупцию я искоренял беспощадно, даже чистильщиком меня прозвали...

– Верю, Дален, хочу верить, – сказал Ефим.

– Я на тебя надеюсь! – оживился Дален. – Видишь, к тебе первому я пришел, мне так нужна помощь, мне нужны местные честные помощники, такие как ты... Все-таки студенческая дружба превыше всего. Помнишь, наш гимн: «Мы студенты-корабелы, ищем мы доверие везде...» Мы друг друга никогда не подводили. Скажи мне, кто из наших остался здесь, на кого можно опереться?

– Считай, Дален, никого уже наших не осталось, как закончила верфь свое существование, так и разъехались кто куда, правда, есть еще Тим, это из параллельного потока, ты его вряд ли знаешь, так что он, да вот я прикипел к этим местам. Сын объявился у меня здесь. И Лизина могила здесь, куда я от нее денусь... Я без нее теперь и не жилец, считай...

– Да, жаль Лизу, я, когда узнал, был за границей, а то бы приехал проститься, она ведь была для нас всех ближе родной сестры.

Ефим почувствовал, как слеза набегает на глаза, и отвернулся. Была Лиза одной из немногих женщин на факультете. Ведь женщин в корабелку брали неохотно. Но уж если поступила, то, значит, обладала и знаниями, и обаянием. Последнее на экзаменах не менее важно. Профессора на нее заглядывались. И Дален за ней ухаживал. Дален был первым парнем у них в группе. Высокий, яркий, пел прекрасно. Чемпион института по борьбе, кажется, по входящему тогда в моду каратэ или по самбо. Одет всегда был по моде. К тому же он был старше всех, уже отслужил в армии, в престижном кремлевском полку. Учеба, правда, ему не очень давалась. Да и многим строительная механика корабля была не по зубам. Формулы на целую страницу. Запомнить невозможно. На экзаменах разрешали раскрыть учебник и эту формулу хотя бы объяснить. Откуда и зачем в ней различные коэффициенты. Выбрала бы Лиза Далена – возможно, и ее судьба, и его по-другому повернулись. А теперь – ее не вернешь, а судьба? С Даленом тоже пришлось бы горя хлебнуть. Дален тоже не по гладкой дороге к власти пришел. Мордовские лагеря – дело нешуточное... Но Лиза ведь такая необыкновенная была, пошла бы за ним в любые лагеря, как декабристка...

Об этих лагерях Дален ничего не рассказал, но Ефим многое знал – в свое время по радио «Свобода», не переставая, о Далене вещали. Это ещё было в том году, когда наши танки в Прагу вошли. Немногие тогда решились открыто против вторжения выступить. Дален был в числе смельчаков. Потом забыли о нем. Не было никаких вестей. И сейчас Дален ничего о себе не говорил, только сыпал все вопросами. Хотел многое узнать. И судя по вопросам, сам знал намного больше Ефима – просто проверял свои знания, сверял то, что ему было известно. Пожалуй, от Ефима он ничего нового не узнал. Напротив, Ефим для себя многое уточнил. Так, он раньше кое-что знал о сборе выпускников корабелки в Нью-Йорке, но что там собрались сто пятьдесят человек – об этом услышал впервые. Зря их учили, посетовал Дален. Ефим согласился, но защитил сокурсников, что делать, коли лишили работы и платили инженерам жалкие крохи. Не в деньгах счастье, сказал Дален, далеко не в деньгах, жизнь надо не зря прожить, след свой оставить! А в чем счастье, наверное, не смог бы никому объяснить. Спросил его Ефим про семью, стараясь сменить тему разговора. Отвечал Дален неохотно. Так и не женился. Живет бобылем. Сказал, глубоко вздохнув, – не получилось, однолюбом оказался...

Странно было это слышать, девушки в институте к нему просто липли, все кроме Лизы, он же ее боготворил, а вдруг это была его единственная любовь – Лиза, мелькнула догадка. Возможно, и сюда он приехал ради нее, на ее могилу...

Задал ему вопрос – был ли на местном кладбище. Ответил, что еще успеется. Ответ этот успокоил Ефима. Ни с кем Лизу, даже покинувшую этот мир, он делить не собирался. Он верил, что обретет ее очень скоро. Лишь бы Дален не догадался о его планах. Надо было подлодку ночью перетаскивать, а не среди бела дня.

Видя, что особых сведений от Ефима не получить, Дален заговорил об институте. Вспоминали сокурсников, профессоров.

– Говорят наш Ястребемский здесь поселился, помнишь такого профессора? – спросил Дален.

– Да, большой был сластолюбец, ужели еще жив? Я и не знал, – удивился Ефим. – Наверное, лет девяносто ему...

– Такие долго живут, – сказал Дален и усмехнулся, – наверное, вспомнил похождения Ястребемского...

– Но за тобой ему было не угнаться, – усмехнулся Ефим.

– Да мы же с тобой, помнишь, вместе в общежитие медицинского прорвались...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.